Военное детство

Н. КРАВЦОВА

«НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ»

«Ночные ведьмы»

Наталья Федоровна Кравцова

Аннотация
Наталья Кравцова. «Ночные ведьмы»
Идем на войну
Нужны ли солдату косы?
«Морзянка»
Первые вылеты
Бомбят Ростов
Трудными дорогами
Горит всю ночь
Тишина
Гадание
Убитый немец
Гусак
Юлька
А речка маленькая…
Убита над целью
Расскажи, как цветет миндаль
Разве же я дам тебя в обиду!
Талисман
Вынужденная посадка
Цель – Багерово
Ларионовна

Пылает вражеский самолет
Можно и в нелетную погоду
Угнали в Германию
Глупые, глупые девчонки…
Немцы сдаются
Ниток не хватает…
Задание – доставить боеприпасы
На Висле
Пришла Победа!

Аннотация

В книгу знаменитой летчицы времен Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза Натальи Фёдоровны Кравцовой (1922–2005) вошли короткие новеллы, повествующие о военных буднях летчиц прославленного 46-го Гвардейского Таманского полка. Враги называли их «ночными ведьмами» – и как огня боялись их маломощных фанерных самолетиков, бомбивших ночью с малой высоты, неуловимых и грозных. И не верили, что управляют ими вчерашние девчонки, ушедшие на фронт со школьной скамьи.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Для среднего школьного возраста.

Наталья Кравцова
«Ночные ведьмы»

Серия «Военное детство»

Оформление серии О. Рытман

© Кравцова Н. Ф., наследники, 1969
© Акишин А. Е., рисунки, 2020
© Составление, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2020

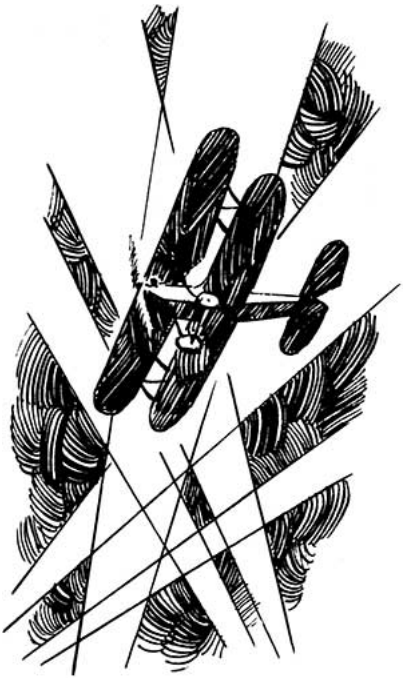
* * *

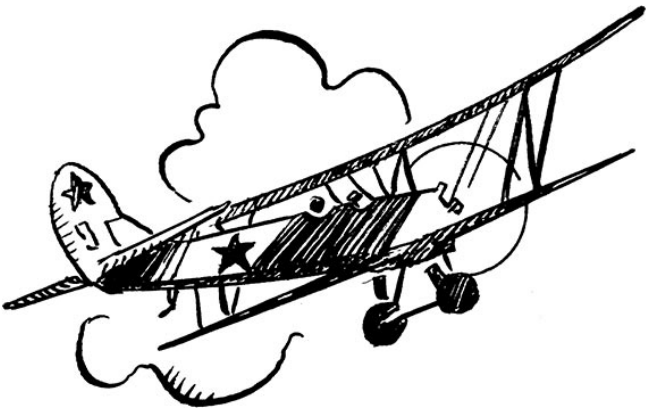
1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Идем на войну

Мы идем пустынными улицами Москвы к Казанскому вокзалу. Серое октябрьское утро. Бьет в лицо колючий снежок. Легкий мороз сковал осенние лужи на мостовой. Зима 1941-го наступила рано.

Шагаем колонной. Стучат по булыжнику железные подковки сапог. Стараемся идти в ногу. Нас много, девушек в больших, не по росту, шинелях и огромных кирзовых сапогах. В такт шагу позвякивают котелки, привязанные к рюкзакам.

Сбоку на ремне у каждой — пустая кобура для пистолета, фляга и еще какие-то ненужные вещи, которые почему-то непременно должны входить в комплект «снаряжения».

Скользко. В сапогах непривычно: то и дело кто-нибудь из девушек плюхается на землю под сдержанный смешок соседок.

Москва военная провожает нас. Из скверов торчат стволы зениток. Настороженно, словно прислушиваясь к далекому гулу войны, стоят дома с разрисованными стенами. На стенах — зеленые деревья и серые дороги… Окна оклеены полосками бумаги крест-накрест. И дома — как слепые.

Война уже близко. Совсем близко от Москвы. Мы это знаем. Безжизненно стоят трамваи, брошенные, никому не нужные. Метро не работает. На станциях и в тоннелях люди прячутся от бомбежки. Трудные, тревожные дни, когда известий ждут со страхом.

Но мы не унываем. Потому что мы уже солдаты: на нас новенькая военная форма со скрипучим кожаным ремнем. Теперь не нужно толкаться в военкомате и просить, чтобы отправили на фронт. Все позади: и отборочная комиссия в ЦК комсомола, и медицинская комиссия, и две

шумные недели в академии Жуковского, где находился сборный пункт. Сюда съезжались из разных городов девушки — пилоты и техники, здесь мы постигали азы военной дисциплины, вникая в сущность субординации…

Все это позади. Мы идем на войну.

Правда, на войну мы попадем не сразу. Впереди учеба в летной школе. Там, в городе Энгельсе, на Волге, нам предстоит провести шесть месяцев. Когда Марина Раскова, наш командир, сообщила об этом, многие ахнули: целых шесть месяцев! Но, конечно, все обрадовались: значит, решение о том, что мы будем воевать, окончательно и бесповоротно. И только одно огорчало: мы покидаем Москву в самый тяжелый для нее час, уезжаем в тыл, на восток.

…Подковки сапог стучат по булыжнику. Мы идем по утреннему городу, поем песни. Наверно, смешно смотреть со стороны на нас, нескладно одетых девчонок в длиннющих шинелях. Но нет улыбок на лицах редких прохожих. Пожилые женщины подходят к самому краю тротуара, молча стоят и долго провожают колонну грустным взглядом.

На вокзале грузим в теплушки матрацы, мешки, продовольствие. Только к вечеру эшелон

трогается. Мы едем в Энгельс. Едем медленно. В потемневшем небе первые вспышки разрывов. В городе воздушная тревога. Гудят паровозы, заводы. Грохочут зенитки.

Двери в теплушках раздвинуты. Тихо звучит песня:

Прощай, прощай, Москва моя родная.
На бой с врагами уезжаю я…

Мы смотрим в московское небо. Многие — в последний раз.

Нужны ли солдату косы?

…Еще раз звонко щелкнули ножницы и застыли в воздухе.

— Ну вот и готово, — с гордым видом произнес пожилой парикмахер и отступил от зеркала, чтобы полюбоваться своим искусством. — Первый класс!

С любопытством уставилась я на коротковолосого мальчишку, который смотрел прямо на меня. Неужели это я? Ну да, это мой вздернутый нос, мои глаза, брови… И все же — нет, не я. Кто-то совсем другой, ухватившись за ручки кресла, испуганно и удивленно таращил на меня глаза.

У мальчишки на самой макушке смешно торчал хохолок. Я попробовала пригладить прямые, как иголки, волосы, но они не поддавались. Растерянно оглянулась я на мастера, и он сразу же, будто заранее приготовил ответ, скороговоркой сказал:

— Ничего-ничего. Это с непривычки. Потом улягутся.

Я хотела было высказать ему свои сомнения, но передумала. Рядом с креслом уже стояла следую-

щая девушка. Я встала, уступив ей место.

Женя Руднева спокойно улыбнулась мне и села. Тонкая шея в широком вырезе гимнастерки. Строгий взгляд серо-голубых глаз. Тугая светлая коса.

Слегка нагнув голову и глядя на себя искоса в зеркало, Женя стала неторопливо расплетать толстую косу. Она делала это с таким серьезным выражением лица и так сосредоточенно, будто от того, насколько тщательно расплетет она косу, зависело все ее будущее. Наконец она тряхнула головой, и по плечам ее рассыпались золотистые волосы.

Неужели они упадут сейчас на пол, эти чудесные волосы?

Мастер, поглядывая на Женю, молча выдвигал и задвигал ящики, долго и с шумом ворошил там что-то, перекладывал с места на место гребенки, щетки. Потом выпрямился и вздохнул.

— Стричь? — спросил он негромко, словно надеялся, что Женя сейчас встанет и скажет: «Нет-нет, что вы! Ни в коем случае!»

Но Женя только удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула. Он сразу нахмурился и сердито проворчал:

— Тут и так тесно, а вы столпились. Работать мешаете!

Я отступила на шаг, и вместе со мной отошли к стене другие девушки, ожидавшие своей очереди.

И снова защелкали ножницы, неумолимо, решительно. Даже слишком решительно…

Нет, я не могла смотреть. Повернувшись, я направилась к выходу. Справа и слева от меня неслышно, как снег, падали кольца и пряди, темные и светлые. Весь пол был покрыт ими. И мягко ступали сапоги по этому ковру из девичьих волос.

Кто-то втихомолку плакал за дверью. Не всем хотелось расставаться с косами, но приказ есть приказ. Да и зачем солдату косы?

«Морзянка»

Облепленные снегом, в шинелях и шапках-ушанках, мы вваливаемся с улицы в коридор. Отряхиваемся, весело бьем друг друга по плечам, спинам. Потом, потолкавшись у вешалки и оставив на полу мокрые следы, идем в класс.

«Морзянка» — один из предметов, которые мы любим. Каждый день утром в течение часа мы передаем и принимаем радиограммы. Работая ключом, отстукиваем буквы, цифры, добиваясь быстроты передачи. Упражняемся всюду, где только можно. Даже в столовой. В ожидании обеда выстукиваем ложками: та-та-ти-ти ти-та-та…

Занятия ведет молоденький лейтенант. Зовут его Петя. Он всегда приходит раньше и ждет нас, сидя за столом. И всегда делает вид, что очень занят: пишет что-то, или чертит, или регулирует телеграфный ключ. Но мы-то знаем: просто ему нужно время, чтобы набраться храбрости, потому что нас, девчонок, он стесняется.

Лейтенант Петя немногословен. Он старается больше молчать, но, когда ему все же приходится говорить с нами, он краснеет и даже заикается. И

от этого смущается еще больше.

Сегодня в классе мрачновато. За окном падает снег. Крупными хлопьями. Густой-густой. Кружась, летят, летят вниз мотыльки. Их так много, что в комнате полутемно.

Ти-ти-ти-та-та. «Я-на-гор-ку-шла…»

Монотонно жужжит зуммер. Точки, тире. Тире, точки…

Мы сидим за длинными черными столами, склонив головы, слушая негромкий разговор отрывистых звуков «морзянки». В наушниках тоненько попискивают, перебивая друг друга, короткие точки и не очень короткие тире.

А в светлых проемах окон безмолвно несутся вниз мотыльки. Тысячи мотыльков. И мне на минуту кажется, что там, за окнами, совсем другой мир. Он не имеет к нам никакого отношения. Мы — отдельно.

Далеко-далеко идет война. А снег такой тихий и мягкий. И негромкая музыка «морзянки»… Может быть, война — это неправда? На самом деле ничего нет? Но зачем тогда «морзянка»? И мокрая шинель с воротником, который больно трет мне шею?

Меня клонит в сон. Я куда-то проваливаюсь… Но тут же спохватываюсь и начинаю старатель-

но записывать слова, которые получаются, если тире и точки превратить в буквы.

Рядом со мной Галя Джунковская. Ей очень идут наушники. Похоже, что она в шапочке, которая плотно облегает голову.

Галя быстро пишет карандашом, и кончик ее носа слегка шевелится. На мгновение она поднимает темные глаза и встречается взглядом с Петей. Он моментально заливается краской. Краснеет даже шея над аккуратным белым подворотничком.

Опустив голову так, что стала видна светлая макушка, он продолжает отстукивать ключом.

По лицу Гали пробегает улыбка. Но тут же она хмурится, делает вид, что увлечена приемом. Только кончик носа дрожит часто-часто.

Ясно, она что-то задумала. Я вопросительно поглядываю на нее, и она кивает мне в ответ.

Обычно в конце урока Петя задает нам быстрый темп. Отстукивая ключом, он все ускоряет передачу до тех пор, пока мы уже не в состоянии принять ее. Тогда мы бросаем прием, а он еще некоторое время продолжает выстукивать, посматривая на нас исподлобья. Вид у него при этом явно торжествующий. Мы сидим молча, побежденные.

И так каждый раз. Нет, дальше терпеть нельзя! Что же он передает?

Мы хитрые. Галя предлагает: «Давайте принимать конец передачи по очереди. Тогда успеем».

В последние минуты, когда Петя, разгоняя скорость, в бешеном темпе работает ключом, мы не бросаем прием, а лихорадочно ловим звуки, складывая их в слова.

Наконец победа остается за нами. Мы читаем:

«Занятия прошли на высоком уровне. Кончаю передачу. Все девочки работали хорошо, молодцы. За это я вас целую. С горячим приветом. Петя».

В этот день лейтенант Петя уходил домой с пылающими ушами, надев шапку задом наперед.

Первые вылеты

Совершив на своих новеньких По-2 большой перелет из Энгельса в Донбасс, мы прибыли на Южный фронт.

Нелегки были первые дни на фронте. Трудности встретились как раз там, где их не ожидали. Мы готовы были ко всему: спать в сырых землянках, слышать непрерывный грохот канонады, голодать и мерзнуть — словом, переносить все лишения, какие только могло нарисовать наше

воображение. Но мы никак не могли предположить, что на фронте нас встретят с недоверием. Вероятно, по молодости и неопытности.

А произошло именно так. В дивизии и армии к нашему полку отнеслись с явным недоверием. Даже растерялись: как быть? Случай из ряда вон выходящий! Полк из девчонок! И хотят воевать! Да ведь они испугаются и заплачут! И вообще, умеют ли они?!

Прошла неделя, и десять дней, и больше, а боевого задания полк все еще не получал. Мы приуныли. Бершанская, командир полка, все время куда-то ездит, то и дело ее вызывают к начальству. А командир нашей эскадрильи Люба Ольховская, шумная, неугомонная Люба, ходит мрачнее тучи.

В полк приезжают инспектора, комиссии. Проверяют, изучают, присматриваются. Заставляют нас тренироваться и делать то, что мы уже давно умеем. Словом, первого боевого вылета мы ждем около трех недель. Возможно, это не такой уж большой срок, но кажется, что время тянется бесконечно долго.

Люба пытается успокоить нетерпеливых.

— Не спешите, девчата, все еще впереди, — говорит она, стараясь держаться спокойно.

А мы чувствуем — внутри у нее все кипит.

— Ничего, подождем, — продолжает она, силясь улыбнуться.

Но улыбка не выходит: не умеет Люба притворяться.

— Подождем, пока им надоест к нам ездить! Инспекции! Проверки! Сколько же еще ждать, черт бы их побрал!

Люба негодует. В глазах ее золотистые прожилки, и кажется, что это огонь пробивается наружу.

— Мы тут сидим, а фрицы тем временем бомбят! — Она уже не может остановиться, не высказавшись до конца. — Ну, зато мы им покажем, когда начнем летать! Ух, покажем!

И она грозит кулаком неизвестно кому: не то фрицам, не то начальству, которое задерживает боевые вылеты.

Любу, которая до войны работала инструктором в летной школе, назначили командиром эскадрильи еще в Энгельсе. Зимой на Волге дули сухие морозные ветры. Мы ходили с обветренными, бронзовыми лицами и шершавыми руками. Однако полетов не прекращали, тренируясь даже в самые сильные морозы: готовились к фронту.

Высокая темноволосая девушка с быстрым взглядом из-под длинных, прямых ресниц сразу

понравилась нам. В ней было столько энергии и темперамента, что их хватило бы на всю эскадрилью.

В ту зиму мы хорошо узнали Любу — жизнерадостную, неутомимую. Узнали — и полюбили.

…Однажды под утро поднялся сильный буран. Порывистый ветер грозил сорвать самолеты со стопоров. Нас подняли по тревоге. Быстро одевшись, мы отправились на аэродром. Самолеты стояли на дальнем конце летного поля, и добираться к ним пришлось по компасу. В двух-трех шагах мы уже не видели друг друга: кругом была снежная стена.

С трудом продвигаясь вперед, мы отчаянно боролись за каждый метр пути. Снег больно бил по лицу. Встречный ветер толкал назад, забивал рот воздухом, выдувал из глаз слезы. Слезы замерзали на ресницах, склеивали веки.

Шли спотыкаясь, падая. Одна из девушек провалилась в сугроб, другая потеряла валенок. Кто-то заплакал — не от боли, а от чувства беспомощности… Временами казалось — нет больше сил. И тогда из снежной пелены вырастала Люба.

— А ну, веселее, девчата! — кричала она навстречу ветру, подталкивая отстающих, поднимая упавших. — Еще немножко осталось! Не

отставать!

Ей нипочем был ураган. Она смеялась, радуясь тому, что может помериться силами со стихией.

— Вперед! — звала нас Люба, словно в атаку.

Она привела нас точно к стоянкам. Онемевшими от мороза руками мы принялись закреплять самолеты. Тросы натягивались, как струны, самолеты гудели, содрогаясь. Казалось, вот-вот они сорвутся и, кувыркаясь, понесутся по полю.

Вьюга бушевала до вечера. Мы дежурили у самолетов. И Люба без устали подбадривала нас.

— Вот это командир! — говорили потом девушки.

И вдруг мы узнали, что Люба несколько раз обращалась к начальству с просьбой перевести ее в другой полк. В истребительный. Пусть самым рядовым летчиком, но только в истребительный!

Мы понимали ее: Любино родное село на Украине фашисты сожгли дотла. И она хотела не просто воевать, а мстить! Жестоко мстить. Стать летчиком-истребителем, драться с врагом один на один! К этому она стремилась.

Но не пришлось Любе летать на истребителе. Вместо истребителя — тихоходный фанерный По-2! Трудно, очень трудно было ей согласиться с этим. Однако время шло, наш полк готовился

вылететь на фронт раньше других, и она как будто успокоилась: можно и на По-2 воевать, нужно только умение. А уж она-то сумеет!

Наступил день, когда мы наконец получили боевую задачу. В первую очередь на задание должны были лететь командир полка и командиры эскадрилий. Потом — остальные.

В этот день Люба не давала покоя своему штурману, заставляя ее еще и еще раз проверять маршрут полета, точность расчетов. Невозмутимая Вера Тарасова, полная и медлительная, на этот раз делала все быстро, с подъемом, так что Любе не приходилось подшучивать над ней, как обычно.

— Чтоб полет наш был высший класс! — смеялась Люба, поблескивая зубами.

Мы всей эскадрильей провожали нашего командира в полет.

Когда стемнело, раздалась команда запускать моторы. Один за другим, через небольшие промежутки времени, поднялись в воздух самолеты.

Первый боевой вылет не произвел на нас большого впечатления. Над целью было спокойно. Никакого обстрела. Только из одного пункта по маршруту изредка лениво постреливал зенитный пулемет. Так, для острастки.

Мы возвращались разочарованные: все происходило так, как в обычном учебном полете на бомбометание. Конечно, никто из девушек не подозревал тогда, что для первых нескольких вылетов командование воздушной армии специально давало нам слабо укрепленные цели. Это делалось с намерением ввести полк в боевую обстановку постепенно.

В следующую ночь весь полк снова вылетел на боевое задание.

Вернулись все, кроме Любы.

Мы ждали до рассвета. Потом начали искать. Облетели весь район вдоль маршрута, но Любы нигде не нашли.

Она не вернулась ни на следующий день, ни потом.

Летчики соседнего полка, которые в ту ночь бомбили цель немного севернее нашей, рассказывали, что видели самолет По-2 в лучах прожекторов. По самолету стреляли зенитки. Он шел к земле.

Это была Люба. Но почему самолет был обстрелян над железнодорожным узлом? Неужели они отклонились к северу случайно? Нет, это не могло произойти. Значит…

Люба, конечно, знала, что севернее — желез-

нодорожный узел. Эшелоны на путях. И сама выбрала себе цель… Настоящую!

Бомбят Ростов

Раскатистые взрывы сотрясают воздух. Дрожит земля. Весь день бомбят Ростов.

Отсюда, из станицы Ольгинской, хорошо видно, как заходят на город фашистские самолеты, как летят вниз бомбы.

Скоро город будет оставлен. Наши войска уйдут. И полк наш улетит. А пока мы ходим по станице, как будто все идет так, как надо. Никто не говорит об отступлении.

Местные жители сидят у своих домов, кто на скамейке, кто на завалинке. Смотрят в сторону Ростова. Деды тихо переговариваются, медленно набивают трубки, дымят, думают. Бабки охают, всплескивая руками, строят разные предположения, но продолжают продавать семечки.

Пока мы в станице, они еще на что-то надеются.

А в окнах горит закат. Такой же закат, как и вчера. И солнце заходит точно так же, как обычно. И по заросшей травой улице важно расхаживают петухи, потрясая красными гребнями, увлекая за собой глупых кур. И сытый кот жмурится на

подоконнике, только кончик хвоста подрагивает при очередном взрыве.

И пока еще ничего не произошло. Вот только Ростов бомбят… А в остальном все как обычно. Даже странно подумать, что завтра все изменится.

Так бывает. До последнего момента не верится, что может случиться что-то ужасное. Даже когда знаешь наверняка, что случится. Потому что всегда кажется: тогда и солнце не должно светить и свет померкнет. А солнце все равно светит, и цветы распускаются…

Сидят деды и смотрят в сторону Ростова. А солнце все ниже, тени длиннее. Кончается день.

…Рано утром мы покидали станицу. Жители вышли из хат, стояли в воротах. Смотрели, как рулят по улицам наши самолеты, как вереницей ползут они, покачиваясь, к зеленому полю за околицей.

Никто ничего не говорил. Просто смотрели. Бабки — пригорюнившись, в белых платочках. Деды — забыв о трубках, зажатых в кулаке.

Самолеты двигались медленно: улицы были узкие. А нам, тем, кто сидел в кабине, так хотелось быстрее дорулить до зеленого поля. Чтоб не видеть белых платочков и понурых дедовских усов…

Трудными дорогами

Лето 1942 года было в разгаре. Наши войска отступали. Шли на юг по пустынным Сальским степям, выжженным солнцем, по местности настолько голой и ровной, что негде было укрепиться, не за что зацепиться. Казалось, подуй ветерок, стронь с места перекати-поле — и покатится оно без остановки от самого Дона до Ставрополя.

Эти степные просторы облегчали действия немецких танков. Они быстро двигались по дорогам, настигая нашу пехоту, отрезая ей пути отступления.

Не раз наш полк выходил из-под танкового удара стремительно наступающего противника. По тревоге самолеты взлетали и брали курс в том направлении, куда двигались наши войска…

История, о которой пойдет речь, стала нам известна во всех подробностях уже потом, когда отступление кончилось и враг был остановлен в горных районах Северного Кавказа.

…Приказ срочно перебазироваться на новую точку был получен только к вечеру. Полк быстро

снялся с места. Сначала уехал наземный эшелон — машины с техническим составом и штабом, потом улетели самолеты, перегруженные до отказа, увозя в задней кабине по два человека.

На аэродроме осталось два самолета. Один из них с неисправным мотором. С другим задержались две летчицы и штурман, которые ждали, когда будет устранена неисправность, чтобы улететь, захватив с собой оставшихся.

Мотором занимались инженер полка Соня Озеркова и техник Глаша Каширина. Быстро темнело. При свете карманных фонариков они пытались что-то исправить. Глаша поглядывала на дорогу — не едет ли машина с запчастями, специально вызванная из мастерских.

Дорога, проходившая через хутор, уже несколько часов была заполнена войсками. По тому, как они спешили, как в панике метались на небольшом мостике люди, повозки, лошади, ясно было, что немцы где-то недалеко.

Наконец прибыла полуторка, которой пришлось ехать окольными дорогами. С ней — техник из ремонтных мастерских. Снова осмотрели мотор, попробовали что-то сменить. Обнаружилась новая неисправность, которую нельзя было ликвидировать на месте. Требовался основательный

ремонт в мастерских, а мастерские находились где-то в пути. Они снялись с последней стоянки, не успев развернуться.

Потеряв надежду исправить мотор, стали думать, что делать с самолетом. Нужно было спешить. Соня, инженер полка, была здесь старшей, и на нее ложилась вся ответственность. Она искала выход, но не находила. С кем посоветоваться? Все уехали, улетели… Сейчас улетит последний самолет: летчицам здесь больше делать нечего.

Она позвала девушек.

— Можете улетать. Мотор починить нельзя.

— А как же вы? Места нет…

— Мы с Кашириной поедем на машине. Вот с ними. — Соня кивнула на шофера и техника.

Через минуту самолет взлетел.

Соня напряженно думала. Бросить самолет нельзя: он достанется немцам. Значит, сжечь? На это страшно было решиться. Но больше она ничего не могла придумать. Она почувствовала, что руки вспотели и в голове стоит туман, путаются мысли.

Все стояли и ждали, что она скажет. Наконец Соня спросила сиплым, чужим голосом:

— Сарьян, спички есть?

Глаша испуганно посмотрела на нее.

— Есть, — ответил техник.

— Давай… поджигай…

— Ясно! — сказал тот как ни в чем не бывало и нырнул под самолет.

Соня отошла. Отвернулась и стала смотреть на дорогу. Правильно ли она поступила? А вдруг можно было придумать что-нибудь другое…

Она смотрела на дорогу. Смотрела, но ничего не видела. Не слышала ни криков ездовых, расчищавших затор у въезда на мостик, ни ржания лошадей, ни гудков машин.

Сзади вспыхнуло пламя. Соня обернулась: огонь быстро охватил самолет. Стало нестерпимо жарко. Отошли подальше.

Самолет жалобно потрескивал. Трудно было оторвать глаза от этого торжествующего огня, которому дали полную волю — гуляй!

Глаша стояла ближе всех, смотрела, как огонь пожирает самолет. Это ее самолет. Она ухаживала за ним, как за ребенком. Мыла, чистила, берегла. Встречала и провожала. Следила за тем, чтобы мотор был исправен, здоров. Кормила бензином и маслом…

Облизнув сухие губы, Глаша пошевелила загрубевшими от работы пальцами, потрогала ими шершавые ладони. Он погибал, ее самолет, и она

не могла спасти его…

Подождав, когда на земле остался только небольшой костер, все четверо сели в машину.

Ехали медленно. Подолгу стояли у перекрестков, мостов из-за скопления машин. Проселочная дорога, забитая войсками, вскоре вывела на основную магистраль. Здесь ехать было еще трудней. Шофер попытался двинуться в объезд, по грунтовым дорогам, через канавы. В свете фар стояла густая пыль.

Внезапно в стороне от главной дороги машина остановилась. Волков, шофер, полез в мотор, потом под машину. И обнаружил поломку: сломался промежуточный валик. В запчастях замены не оказалось. С рассветом Волков пошел в ближайшую МТС, но вернулся с пустыми руками.

К утру дорога была свободна: основная масса отступавших прошла на восток. Только изредка проезжали последние повозки, проходили люди. Оставаться у машины не было никакого смысла. Решили идти пешком.

— Что делать с машиной?

— Давай ее в стог, — предложил Сарьян.

Рядом стоял большой стог сена. Полуторку подтолкнули, и она по уклону скатилась прямо к нему. Волков вынул из мотора какие-то части,

забросил их подальше, а машину завалили сеном и подожгли.

Дальше двинулись пешком. Иногда останавливались передохнуть. Жгло солнце. Страшно хотелось пить. В небольших селениях, попадавшихся на пути, с жадностью набрасывались на воду. После одного привала встретили людей, которые говорили, что впереди есть хутора, куда уже вошли немцы. Другие утверждали, что немцев еще нет.

— Как бы там ни было, а нужна осторожность, — сказала Соня. — Прежде чем входить в деревню, будем узнавать у местных жителей, есть ли там немцы.

Так и решили.

По дорогам уже давно не проезжала ни одна машина. Не видно было людей. И это угнетало. Стояла тишина, которая давила, заставляла напряженно ждать, что вот-вот с минуты на минуту случится то, чего они так боялись…

Шли молча. И вдруг среди гнетущей тишины Сарьян, бесшабашный на вид парень с иссиня-черной шевелюрой и глазами навыкате, запел:

Э-эх, расскажи-расскажи, бродяга…

Пел он неприятным, громким голосом. Глаша

попросила:

— Перестань, не надо.

Но он продолжал, запрокинув голову:

Ч-чей ты ро-о-одом, а-атку-да ты!..

— Слушай, тебя просят — замолчи!

Но он, захлебываясь, скорее кричал, чем пел:

Э-эх, да я не по-о-омню...

— Сарьян, прекрати орать. — Соня сказала это спокойно, не повышая голоса.

Он замолчал. Потом опустил голову и медленно, раскачиваясь, как пьяный, и болтая руками, как плетьми, поплелся к обочине дороги. Сел на траву, уткнувшись головой в колени. И неожиданно для всех расхохотался. Смеялся он, закатываясь, сотрясаясь всем телом. А круглые глаза его чуть не выскакивали из орбит.

— Что это он? Что с ним? — испугалась Глаша.

Волков подошел к нему, положил руку на плечо:

— Слушай, парень, ты брось эти свои истерики! Надо держать себя в руках. Чего раскис? Жара, что ли, на тебя действует?

Он говорил негромко, даже ласково, как бы уговаривая Сарьяна. И тот постепенно успокоился.

Вечером, когда на небе выступили звезды, свер-

нули на восток. Проселочная дорога пересекала поле и дальше терялась в кустарнике. В ближайшей деревне собирались заночевать.

Где-то вдалеке послышался ровный, однообразный гул. Он становился громче, и скоро все услышали впереди шум моторов и лязг гусениц. Остановились, тревожно прислушиваясь.

— Танки… — прошептала Глаша.

— А может, это наши?.. — неуверенно произнес Сарьян.

— Надо узнать, — сказала Соня. — Я пойду на разведку. Вы ждите меня здесь. Может быть, еще кто-нибудь пойдет со мной?..

Она помедлила некоторое время, ожидая. Но никто не вызвался: у Глаши были стерты ноги, она с трудом двигалась; Волкову, видно, не хотелось идти — он сразу же лег на траву и занялся свертыванием самокрутки, вероятно, нисколько не сомневаясь, что это немецкие танки; Сарьян же не хотел идти, так как побаивался Сони. Строгая, неумолимая, она часто одергивала разболтанного парня, а большей частью вообще не замечала его.

И Соня пошла одна. В темноте, еще не очень густой, она подошла к дороге, присела и раздвинула кусты. По шоссе один за другим грохотали танки.

Они были совсем рядом, в нескольких шагах. На танках чернели кресты. Недалеко, на развилке дороги, стоял регулировщик. Он размахивал фонариком и время от времени выкрикивал что-то по-немецки.

Соня понимала, что это немецкие танки, что они двигаются на восток, что, значит, теперь придется идти по территории, занятой немцами. Но почему-то это никак не укладывалось в голове, не доходило до ее сознания. На все происходящее она смотрела как будто со стороны, как будто ее это не касалось. Так бывает, когда смотришь фильм: на экране страдают люди, происходят волнующие события, но ты знаешь, что это все-таки где-то там, что это ненастоящее. А ты — отдельно…

Она вернулась к своим и рассказала о том, что видела. В деревню решили не заходить. Переждав, когда танки проехали, отошли от перекрестка подальше и поодиночке перебежали дорогу. Потом, пройдя еще немного в сторону от шоссе, остановились в поле. Спали прямо в стогах.

Утром Соня открыла глаза, чувствуя на себе чей-то взгляд. У стога стояла женщина, разглядывая спящих.

— Вы, бабоньки, военные? И чего ж вы не скинете ту форму? Разве ж можно так?..

Женщина сказала, что в хуторе немцев нет, они проехали дальше, так что бояться нечего. Повела их к себе, накормила, дала простую деревенскую одежду.

— Если станут спрашивать, говорите, что с окопов идете, — наставляла она их. — Копали, значит, окопы. Так и отвечайте: с окопов домой, на хутор.

Два селения, которые они прошли, были пусты. В третьем, довольно большом, неожиданно наткнулись на немцев.

Войдя в станицу, сразу за поворотом, у школы, увидели группу людей в военной форме. Поворачивать назад было поздно: это могло вызвать подозрения. И они продолжали идти вперед. У всех было оружие, у Сони и Глаши — в узелках с едой, которые сунула им на дорогу женщина.

Стараясь держаться спокойно, они не спеша прошли мимо немцев. Те посмотрели на них, разговаривая между собой. А они шли, делая вид, что местные. Никто их не остановил. У Глаши дрожали руки, а Соня шла как каменная. Им казалось, немцы непременно догадаются, что одежда на них чужая и что настоящая их одежда — это военная форма…

День за днем они продвигались все дальше

на восток. Ночевали в селениях у хозяек. Соня и Глаша в одном доме, а мужчины в другом, где-нибудь неподалеку. Чтобы не слишком беспокоить хозяев. Потом встречались в условленном месте и отправлялись вместе в путь.

Однажды Соня и Глаша не дождались своих попутчиков. Они почему-то не явились. А где их искать, девушки не знали. Долго ждали, но ходить по домам и спрашивать не решились.

Идти приходилось по жаре, под палящими лучами солнца. Мучила жажда. Вода считалась роскошью в этом степном краю, ее можно было найти только в селениях. А селения, большей частью хутора, где стояли немногочисленные постройки, находились на значительном отдалении друг от друга.

Глаша сильно уставала. Болели ноги, кружилась голова. Иногда она готова была сесть посреди дороги и заплакать. Соня не давала ей отдыхать, все тянула и тянула за собой. Она шла впереди, изредка оглядываясь, не отстала ли Глаша. Глашина фигурка маячила сзади на некотором расстоянии.

Соня чувствовала себя более выносливой. Занятия спортом еще до войны, в военной школе, где она работала преподавателем, закалили ее. Но этот бесконечный путь босиком по горячей, пыльной дороге трудно было вынести даже ей. Ноги казались деревянными колодами, она переставляла их механически. Обернуться, сделать лишнее движение стоило большого труда. Казалось, остановишься — свалишься и не хватит сил, чтобы подняться…

Так они шли — обе в платочках, в длинных черных юбках, босиком. Невысокая, крепкая Соня

— впереди. За ней немного подальше тоненькая Глаша.

Однажды у железнодорожного полотна их окликнул часовой. В это время они переходили полотно. Обе продолжали идти, будто их это не касалось. Часовой еще раз крикнул и вскинул автомат. К счастью, к переезду приближались подводы, крестьяне вели лошадей. Соня и Глаша затесались между ними и, сбежав со склона, скрылись среди деревьев.

В другой раз на дороге они встретили двух немцев-мотоциклистов. Один сидел на корточках, чинил мотоцикл, а другой ждал его. Увидев девушек, немец пошел им навстречу. Стал что-то говорить, показывая на узелки: вероятно, был голоден и хотел поесть. Он тыкал пальцем в узелок и смотрел на Глашу. Она растерялась: в узелке, кроме хлеба, лежал пистолет, завернутый в тряпку. Немец настойчиво тыкал в узелок — и она медленно стала развязывать концы платка.

Кроме двух мотоциклистов, на дороге не видно было никого, причем один из них был целиком занят своим мотоциклом и не смотрел в их сторону. Соня чуть подвинулась — так, чтобы оказаться за спиной немца, вынула пистолет и, пока Глаша развязывала узел, выстрелила ему прямо в спину.

Потом подбежала ко второму, который ничего еще не успел сообразить, и сделала два выстрела в упор.

— Глаша, сюда, в кусты! — крикнула она.

Они бросились в сторону с дороги и побежали по кустарнику. Бежали долго, пока хватило сил…

Потом остановились. Тяжело дыша, Глаша молча уставилась на Соню, которая все еще держала пистолет в руке. Она так и бежала с ним и теперь растерянно смотрела на него, не зная, что с ним делать. Ей казалось, что она все еще слышит короткий хрип осевшего на землю немца — того, что возился с мотоциклом, и видит большие черные точки в его круглых испуганных глазах…

Как-то раз к вечеру девушки, как всегда, попросились на ночлег. Хозяйка вышла на крыльцо, посмотрела на них и уже собралась было отказать, но почему-то передумала.

— Погодите, — сказала она и вошла в хату. Вскоре возвратилась и впустила их в комнату.

Неожиданно они увидели за столом человека, одетого в форму советского командира, с тремя кубиками в петлицах. Старший лейтенант. Свой!

Они обрадовались. Разговорились. Но осторожность все же заставила их быть не до конца откровенными. Соня сказала, что они медицинские

сестры, отстали от своей части и пробираются к фронту. Ее удивляло, что в обстановке, когда кругом немцы, старший лейтенант не снял военной формы…

Однако он был проницательным, этот энергичный человек с прямым взглядом темных колючих глаз. Он почувствовал, что Соня не полностью доверяет ему. Тогда он вынул и показал свой партийный билет. Соня и Глаша показали свои.

Оказалось, что он не один. С ним было еще десять бойцов с оружием и гранатами. В сарае стояли две повозки с пулеметами, запряженные лошадьми. Бойцы продвигались к линии фронта по ночам, в темноте, иногда прорываясь вперед с боем.

Старший лейтенант вел себя так, будто он был хозяином положения и не он должен был бояться немцев, а они его. Казалось, он знал все: что нужно делать, куда ехать. Ни он, ни бойцы не сняли военной формы — об этом не могло быть и речи, и если бы пришлось, они бы наверняка, не задумываясь, вступили в бой с целой дивизией немцев…

Глаша и Соня присоединились к ним. После трех недель скитаний они уже не шли пешком, а ехали на повозках, ночью. В темноте на дороге

встречались вражеские мотоциклисты, машины, патрули. Оружие всегда было наготове на тот случай, если им не удастся проскочить.

Однажды, когда повозки уже въехали в деревню, навстречу вышли немцы. Их было довольно много. Немецкие солдаты что-то закричали, забегали. Послышался треск автоматов. Но ездовые, повернув назад лошадей, уже неслись прочь. С последней повозки строчил пулемет…

На следующий день в станице под Моздоком увидели красноармейцев. Здесь стояла наша стрелковая часть. В самом Моздоке царила неразбериха. Город эвакуировался. Время от времени прилетали немецкие самолеты и бомбили отходившие войска. Здесь Соня и Глаша расстались со старшим лейтенантом.

Еще в дороге заболела Глаша. Оказалось — тиф. Соня нашла коменданта города и сдала ее, совсем больную, в госпиталь. Коменданту ничего не было известно о местонахождении женского полка, и он направил Соню к представителю ВВС, который приблизительно знал, где базируется полк.

В тот же день на попутной машине она ехала по дороге, которая вела на юг. Смеркалось. Слева тянулись поросшие кустарником холмы, впереди высился горный кряж. Машина подпрыгивала

на ухабах. Соня, стоявшая в кузове, смотрела по сторонам, надеясь увидеть где-нибудь самолеты.

И вдруг увидела. В стороне от дороги, на ровном поле, мелькали огоньки. На площадку садились самолеты. Очевидно, это был вспомогательный аэродром, откуда самолеты летали на боевое задание.

Соня не верила своим глазам: все было как в сказке. Сердце бешено заколотилось, и она что было сил забарабанила по кабине кулаками, крича:

— Стойте! Остановите машину! Это они! Они!

Выдержка и спокойствие изменили ей. Здесь был ее полк, ее работа, ее дом! Она нашла его, нашла… Она побежала напрямик к самолетам. Спотыкаясь и падая, бежала Соня по полю, словно могла не успеть, опоздать, и огоньки — зеленые, белые, красные — расплывались пятнами в ее глазах…

Горит всю ночь

Отступая, мы дошли до предгорий Кавказа. Полк расположился в зеленой станице Ассиновская. Это в долине, неподалеку от Грозного.

Мы прячем самолеты в большом яблоневом саду, прямо под деревьями. Сад окружен арыком, и нам приходится рулить самолеты по узким деревянным мостикам, перекинутым через арык. Тяжелые ветви, усеянные яблоками, клонятся к земле. Пока дорулишь до стоянки, в кабине полно яблок.

Сразу за станицей шумит быстрая Асса. Видны высокие горы. Близко Казбек. Дарьяльское ущелье. Места, воспетые поэтами. Война пришла и сюда. Линия фронта — по Тереку.

Летаю с Ириной Себровой. Она славная девушка, скромная, искренняя и отличный летчик. Характер у нее мягкий, деликатный. Мы с ней подружились.

…Бомбим вражеские позиции под Малгобеком. Горный район, сразу за хребтом.

Небо в звездах. Погода хорошая.

Над целью я бросаю вниз светящуюся авиа-

бомбу. Она, как фонарь, повисает в воздухе. Становится светло, и я внимательно разглядываю землю.

Увидев цистерны, расположенные параллельным рядом, я заволновалась.

— Иринка, вижу склад с горючим!

Ира высовывается из кабины, смотрит вниз.

— Вон, справа! Подверни правее, еще… Довольно.

Я спешу, я так хорошо вижу эти цистерны! Нажимаю рычаг — и бомбы несутся к земле. Четыре огненных снопа вспыхивают и тут же исчезают, рассыпавшись искрами. Мимо! Я чуть не плачу от досады. Остались четыре дымка на земле, а цистерны светлеют целехонькие…

В следующем вылете я не тороплюсь. Мне очень хочется попасть в цистерны. Изо всех сил я стараюсь прицелиться получше. Ставили же мне пятерки по бомбометанию! У меня даже лоб вспотел.

Ира выдерживает прямую, которая называется «боевой курс».

Я чуть-чуть подправляю курс. Еще раз. Цель отличная. Самолет летит как по ниточке. Нет, я должна попасть во что бы то ни стало!

Снизу застрочил зенитный пулемет. Прошлый

раз он молчал. Они там еще спали, наверное. А я промахнулась!.. Огненные трассы приближаются к нам слева. Вот-вот они полоснут по самолету. Но сворачивать нельзя.

Пулемет крупнокалиберный, спаренный — пули летят широким пучком. Я вижу, что Ира вертится в кабине, нервничает. Но курс держит. Поглядывая на трассы, я прицеливаюсь. Бросаю бомбы.

Ира сразу пикирует, успевая нырнуть под длинную трассу пуль.

На земле сильные взрывы. И вспыхивает пламя: пожар. Настроение у меня поднимается. Мы летим домой, а я все оглядываюсь: горит!

Черный дым стелется над землей, постепенно заволакивает небо. Склад горит всю ночь.

Тишина

Наконец началось наступление и у нас, на Закавказском фронте. Почти полгода, с августа 1942 года, мы летали в районе реки Терек. Успехи наших войск под Сталинградом[1] принудили немцев начать отступление. Они поспешно уходили с Кавказа, боясь оказаться отрезанными.

В первых числах января мы начали двигаться вперед. Полк оставил станицу Ассиновскую и перелетел через Терек на новую площадку, сразу за рекой.

…Полетов нет: еще не подвезли бомбы. Наземный эшелон в пути, поэтому летчикам самим приходится дежурить у самолетов.

Над площадкой, где рассредоточены наши По-2, висит луна. Вернее, четверть луны. Но она так четко обрисована и так ослепительно блестит, что видно и остальную, слегка затушеванную часть диска. Поле, покрытое свежим, недавно выпавшим снегом, залито бледно-голубым светом.

Сразу за нашими самолетами стоят самолеты «братцев», которые тоже прилетели сюда, за

---

[1] Примечания: 1

С 1961 г. город носит название Волгоград.

Терек. По-2 темными пятнами выделяются на снегу.

Я медленно хожу вдоль самолетов, мягко ступая унтами по снегу. Вместе со мной движется моя тень. Она совсем короткая: месяц высоко, почти над головой. Я стараюсь наступить на нее, но она ускользает все вперед, вперед…

Лёша Громов тоже дежурит сегодня. Мы с ним виделись вечером в столовой. Я знаю — он придет ко мне. И, улыбаясь неизвестно чему, я снова охочусь за собственной тенью… Вскоре он приходит, большой, плечистый, похожий на медведя, в комбинезоне с широким меховым воротником и в мохнатых унтах.

— Давай дежурить вместе.

Я рада ему. Мы идем рядом. Теперь по снегу скользят две тени — одна короче, другая подлиннее. Возле моего самолета останавливаемся.

Тихо. Поблескивает обшивка крыла. Покрытый чехлом мотор и лопасти пропеллера, торчащие в стороны, кажутся огромной птицей, которая приготовилась взлетать.

Сегодня тишина особенная. Немцы бегут, фронт с каждым часом удаляется, и у меня такое ощущение, будто на время раздвинулись тучи войны и стал виден светлый кусочек мира…

— Как я рад, что нашел тебя, — говорит Лёша.

Он уже говорил мне это однажды. В Киеве, два года назад.

Тогда еще не было войны…

Мы стоим, облокотившись о крыло… Говорить не хочется. Я чувствую на спине тяжесть Лёшиной руки и даже сквозь меховой комбинезон ощущаю ее тепло. Нам обоим хорошо. И нет никакой войны…

Внезапно воздух сотрясает взрыв. Где-то недалеко, за станицей. Мы прислушиваемся, гадаем, что бы это могло быть. Но все опять спокойно, и мы забываем о взрыве.

Проходит час и еще один час. За это время луна опустилась ниже, тени удлинились, стало темнее.

Вдали послышались голоса. Это идут нас сменить. Как жаль, что дежурство кончилось…

Гадание

Январь 1943-го. Мы продолжаем наступать, перелетая из станицы в станицу, всё ближе к Кубани.

Солдато-Александровка. Здесь мы были полгода назад при отступлении. И конечно, все девушки останавливаются у своих прежних хозяек.

Навстречу нам вышла вся станица. Ребятишки окружили нас тесным кольцом.

— Тетя Ира! Тетя Рая!

— К нам пойдемте, тетя Надя! Я вас сразу узнал!

— А какой это орден? Можно потрогать?

— А фрицы уже теперь не вернутся?

Наша хозяйка встретила Иру и меня с восторгом. Всплеснув руками, бросилась обнимать.

— Ох вы, мои девочки-голубушки! — приговаривала она. — Да я ж сердцем чуяла, что мы еще свидимся! И сны ж мне такие снились!

Она все хлопотала, крутилась возле нас, шлепала ребят, чтоб не мешали.

— И как же вы не боялись? Темно ж! А высоко — страху не оберешься!

Она рассказала, как вели себя немцы, где стояли орудия, танки, зенитки. И как прилетали ночью самолеты бомбить фашистов, а ей так хотелось подсказать, куда бросать бомбы. Она была убеждена, что прилетали именно мы, девушки. Мы не стали разуверять ее, хотя нам не приходилось бомбить в этом районе.

Муж ее на фронте. Ушел в первый день войны. Жив ли — не знает. Ни одной весточки с тех пор. Дома четверо детей.

Мы порылись в рюкзаках, собрали ей для ребят теплые вещи.

Был канун Нового года по старому стилю.

Хозяйка раздобыла муки, испекла пирог, и мы отпраздновали нашу встречу.

Белоголовый Ванюшка не отходил от Иры. Время от времени он осторожно трогал орден Красного Знамени и при этом доверчиво заглядывал ей в глаза.

— А вы большие бомбы кидали?

— Большие.

— Вон с того самолета?

— С того. И с других тоже.

Наш По-2 стоял у самой хаты, его можно было видеть из окна. Соскочив с табуретки, Ванюшка подбежал к окну, чтобы еще раз посмотреть на

самолет.

В полночь мы гадали. Жгли бумагу, ставили рядом со сгоревшей бумагой свечу и разглядывали тень на стене, угадывая, что изображено.

— Чепуха все это, — говорила, посмеиваясь, Ира, но продолжала жечь бумагу: все-таки интересно.

У меня получилась тройка лошадей и еще что-то, вызвавшее самые различные толкования. А у Гали Докутович — гроб. Никто не хотел, чтобы — гроб. И мы всячески изощрялись, придумывая несусветную чушь. Фантазии хватало.

— Это трамплин! Значит, будет большой прыжок на запад!

Мне казалось, что убедительнее этого ничего нет.

— Нет, это рояль, — задумчиво говорила Женя Руднева.

— Не трамплин это, не рояль, а самый обыкновенный стол. Обеденный стол…

— Бросьте, девчонки, выдумывать! — решительно закрыла дискуссию Галя. Она почему-то настаивала на своем варианте, доказывая, что на тени изображен гроб. И громко смеялась, хотя заметно было, что смеяться ей не хочется.

Впоследствии я часто вспоминала этот вечер

и гадание: через полгода Галя не вернулась с задания.

Пробовали гадать и по-другому. По старинному русскому обычаю, как у Жуковского. Только не было у нас легких башмачков, как у Светланы. Приходилось вместо башмачка бросать через забор тяжелый сапог… На это решились не все: перспектива остаться без сапога не радовала.

Кто-то предложил выйти на улицу и спросить имя у первого встречного. Так можно совершенно точно узнать, как будут звать суженого. Накинув шинели на плечи, мы с хохотом выбежали на мороз. Но встречных не оказалось. Улица была пустынна. Только часовой у самолетов, не то казах, не то киргиз, судя по акценту, громко выкрикивал:

— Какой пропуск, знаешь?

Перебивая друг друга, мы пытались объяснить ему, что хотим узнать его имя. Но он ничего не понимал и упрямо твердил свое:

— Пропуск «Калуга» знаешь?

— Знаем, знаем…

— Какой?

— «Калуга»!

Возвращаясь, мы заметили у ворот нашей хаты маленькую фигурку. Это был Ванюшка. Когда

его окликнули, он сразу же нырнул во двор и скрылся.

На следующий день мы с Ирой прощались с гостеприимной хозяйкой, с ее ребятами. Только Ванюшка куда-то исчез, и никак его не могли дозваться.

Но когда я садилась в самолет, то неожиданно обнаружила пропавшего мальчишку в штурманской кабине. Он сидел на полу, скорчившись, уткнувшись носом в колени, и молча поглядывал на меня снизу вверх, ожидая, что я буду делать.

— Вот ты где! Что же ты, с нами полетишь?

— С вами!.. — обрадовался Ванюшка.

Убитый немец

Новое место базирования — станция Расшеватка. Вчера еще здесь были немцы, а сегодня мы. И сегодня уже нашим самолетам не хватает радиуса действий, чтобы бомбить врага.

Жители рассказывают, как немцы отзывались о нас, о наших самолетах По-2. Они знали, что их бомбят женщины, и сочиняли всякие небылицы, называя нас «ночными ведьмами», утверждая, что мы, летчицы, бывшие заключенные, которых специально выпустили из тюрем, и т. п.

Расшеватка вся в пожарах. Низко над станцией, над раскинувшейся вокруг нее станицей стелется густой дым. На складе горит зерно, и в воздухе запах гари. Дымно, грязно. Всюду следы лошадей, на снегу отпечатки копыт.

Здесь прошел, преследуя врага, кавалерийский корпус генерала Кириченко. Здесь были бои. Еще не убраны трупы. Лежат убитые лошади.

На обочине дороги, ведущей к аэродрому, мы с Ирой наткнулись на труп убитого немца. Он лежал за бугорком, и я чуть не споткнулась о него. Остановились и молча стояли, рассматривая.

Немец был молодой, без мундира, в голубом нижнем белье. Тело бледное, восковое. Голова запрокинута и повернута набок, прямые русые волосы примерзли к снегу. Казалось, он только что обернулся и в ужасе смотрит на дорогу, чего-то ожидая. Может быть, смерти…

Мы впервые видели мертвого немца так близко.

На счету каждой из нас было уже около трехсот боевых вылетов. Наши бомбы сеяли смерть. Но как она выглядит конкретно, эта смерть, мы представляли себе довольно смутно. Просто не задумывались об этом, а скорее всего не хотели думать.

«Подавить огневую точку», «разбомбить переправу», «уничтожить живую силу противника» — все это звучало настолько привычно и обыденно, что не вызывало никаких неясностей. Мы знали: враги истязают и уничтожают советских людей, сжигают наши села, города. Многому я сама была свидетелем. Чем больший урон мы нанесем врагу, чем больше фашистов мы убьем, тем быстрее наступит час победы. Убивать фашистов! Казалось бы, что может быть легче? Для этого мы и пошли воевать.

Так почему же теперь, глядя на убитого вра-

га, на его белое, бескровное лицо, на котором оставался и не таял свежий снег, на откинутую в сторону руку со скрюченными пальцами, я испытывала смешанное чувство подавленности, отвращения и, как ни странно, жалости…

Завтра я снова полечу на бомбежку. И послезавтра, и потом, пока не кончится война или пока меня не убьют… Такие же немцы, как этот…

Где же тогда место жалости?..

Гусак

В станице Джерилиевской нас застала весенняя распутица. Днем аэродром превращался в болото с густой глубокой грязью. Только к середине ночи на несколько часов немного подмораживало, и до утра мы все-таки летали.

…Утром, возвращаясь с аэродрома, я подхожу к дому с опаской. Небольшой домик, где мы с Ирой поселились, стоит в глубине двора. Все входят в него спокойно: открывают калитку и через двор идут к крыльцу. И только мне одной так нельзя, потому что у меня есть враг — большой белый гусак с длинной шеей и бесцветными круглыми глазами. В сущности, безобидная домашняя птица. Целый день вместе со своими собратьями он важно расхаживает по двору, что-то выискивает, щиплет прошлогоднюю травку, чистит перья или же о чем-то рассуждает. Но стоит ему заметить мое приближение, как он немедленно преображается: воинственно расправляет крылья и с криком бросается мне навстречу с дальнего конца двора. Вытянув шею, шипит и норовит ущипнуть меня.

Я отбрыкиваюсь, отшвыриваю его сапогом, пробивая себе дорогу к крыльцу. И так — каждый раз… Мне редко удается ускользнуть от гусака. Когда бы я ни вернулась, он всегда тут как тут, как будто ему точно известно, когда я приду.

Иру он не трогает. Она не спеша идет к дому и может даже погулять во дворе. А мне приходится потихоньку красться к дому, прячась за забором. Быстрыми перебежками я мчусь к двери и, только захлопнув ее, чувствую себя в безопасности.

Почему-то он невзлюбил меня. Вероятно, каким-то образом догадывался, что я боюсь гусей. Это осталось у меня еще с детства, когда однажды мне пришлось удирать от мирных птиц. В ужасе я бежала по улице, а они налетали на меня, маленькую, худенькую девочку, и больно щипали за ноги. С тех пор я их панически боюсь…

Сегодня Ира задержалась, и я возвращаюсь одна. Сначала высматриваю, где гусак. Убедившись, что он еще не видит меня, опрометью бегу через двор.

После полетов мы легли спать в девять утра. Но уже через два часа проснулись. Никак нам не удается выспаться: ведь отдыхать приходится днем, когда в доме идет обычная жизнь. По комнатам бегают хозяйские дети, глуховатая бабка говорит

громко, почти кричит.

Я открываю глаза и сразу же зажмуриваюсь: в окна бьет яркий солнечный свет.

— Проснулась? — слышу я голос Иры.

Она сидит на кровати, поджав ноги, и держит что-то на ладони.

— Что это у тебя?

— Это? Вот — пятый…

— Кто пятый?

— Бекас пятый! Понимаешь, ползают прямо по простыне…

Я вскакиваю и откидываю одеяло. Мы молча истребляем паразитов.

Собственно говоря, ничего удивительного нет. Дом, где мы живем, как и многие другие дома в станице, полон народу. Только одна хозяйская семья состоит из семи человек: старик со старухой да невестка с четырьмя детьми. В станице — много солдат. Здесь и раненые, и те, кто на отдыхе с передовой.

По дороге проходят группы, какие-то части. Солдаты заходят к хозяевам, просятся переночевать, не раздеваясь спят прямо на полу. Теснота…

В комнату заглядывает бабка.

— Проснулись, мои солдатики? — приветствует она нас. — Что же вам не спится? Аль не ложи-

лись?

— Просто не спится, бабуся.

— То детвора вас разбудила. Я их сейчас угомоню. А вы спите, спите…

Но спать мы уже не могли.

Одевшись, я вышла в другую комнату. Как обычно, дед сидел у окна, набивал трубку.

В доме все заботы ложились в основном на бабку. А дед жил своей особой жизнью, не обращая внимания на шум и гам. Он любил посидеть, подумать, обсудить мировые проблемы. С удовольствием брал наши полетные карты и, надев очки, внимательно рассматривал. Иногда вверх ногами. Ничего не понимая, важно крякал, покачивал головой и говорил:

— Придумают же люди! Вон какая станица, сколько в ней домов, а на бумаге она всего-навсего точка… Н-да-а…

Вот и сейчас дед поворачивается ко мне и, желая, видимо, завязать разговор, произносит:

— А говорят, немец из Румынии подкрепления берет. Как, а?

— Где там, дедушка, он уже к самой Кубани отошел. Прогоним его!

— Н-да-а… Так-то оно так…

Пока он собирается с мыслями, я быстро вы-

хожу в прихожую умыться. Дверь на крыльцо открыта, и я осторожно выглядываю: по двору, раскачиваясь на коротких ногах, важно расхаживает мой враг…

Днем командир полка собрала летчиков. Вид у нее был озабоченный: в полку кончались запасы горючего, а обстановка требовала, чтобы мы летали. Подвоза не было, так как дороги развезло и машины застревали. Запасы продуктов тоже подошли к концу. Уже несколько дней в столовой мы ели одну кукурузу, да и то без соли.

Бершанская решила послать в город Кропоткин несколько самолетов за горючим и продовольствием, заправив их остатками имеющегося бензина.

— Сначала полетят пять самолетов из первой эскадрильи, — сказала она, — а когда они привезут горючее, в рейс отправятся остальные.

С большим трудом взлетели самолеты с раскисшего аэродрома. Проводив Иру, я возвращалась домой одна. Подойдя к калитке, вспомнила про гусака и стала искать его глазами среди других птиц, но, к моему удивлению, его нигде не было. Я свободно прошла через двор и оглянулась еще раз: от этой вредной птицы можно было ожидать любого подвоха.

Открыв дверь, я сразу все поняла: из кухни вкусно пахло жареным… Это он, мой гусак! Сердце защемило: зачем же его так…

Бабка радостно встретила меня:

— Вот и пришли! А где ж Ира?

— К вечеру прилетит, — ответила я мрачно.

— А я вам угощение приготовила, гусочку. Изголодались там на кукурузе, без хлеба. Садись, садись, чего там, не стесняйся.

Нет, я не могла есть моего гусака. Мне было жаль воинственную птицу, и, расстроенная, я ушла в свою комнату.

Ночью мы летали. А утром я шла домой в плохом настроении: теперь никто уже меня не встречал…

Юлька

Она пришла к нам в полк неожиданно, девчонка с осиной талией и независимой походкой.

Осень ярким ковром лежала на склонах гор. Под ногами шуршали листья. И снежная вершина Эльбруса белой волной светлела на фоне синего неба.

В то время мы уже несколько месяцев воевали. И первые, совсем новенькие ордена сверкали на наших гимнастерках. Мы прочно закрепились у предгорий Кавказа и не сомневались в том, что теперь путь наш лежит только вперед.

Ее звали Юлей. Нет, Юлькой. Потому что все в ней говорило о том, что она — Юлька. Лихой, отчаянный летчик. Орел! И то, что ей только девятнадцать, — пустяк. Дело совсем не в этом.

Ходила она, гордо подняв голову, будто всем своим видом хотела сказать: «Вы меня ждали — вот я и пришла. И теперь мое место здесь!» Возможно, она боялась, что ей не сразу разрешат летать на боевые задания. А ей очень хотелось воевать.

Юлька. Черная кожанка, туго затянутая рем-

нем, аккуратные хромовые сапожки, шлем набекрень. Из-под шлема солнечный ореол светлых волос.

Вначале Юлька больше молчала. Присматривалась, поводя темной бровью. Щурила глаза, улыбалась краешком рта, не разжимая губ — не то презрительно, не то удивленно. И непонятно было, нравится ей у нас в полку или нет.

А когда начала летать, сразу все увидели — нравится. Уж очень отчаянно летала Юлька. И ничего не боялась: ни зениток, ни выговора за лихачество. Летного опыта у нее явно недоставало. Зато было с излишком бесшабашной смелости.

Мы полюбили Юльку. И уже не могли себе представить, как же мы раньше жили и не знали, что есть на свете веселая девчонка с чуть вздернутым носом, еле заметными веснушками на нежной коже и брызгами радости в глазах.

Без Юльки? Можно ли без нее? Соберутся девушки — Юлька запевает песню. Станут в круг — она уже в центре, отбивает чечетку или плывет, подбоченясь, так легко, словно ноги ее не касаются земли.

В Юльке нам нравилось все. И то, как она по-мальчишески рисовалась под бывалого летчика, и даже то, как относилась к жизни — с нарочи-

тым пренебрежением.

Я помню Юльку всегда жизнерадостной, веселой.

И только однажды я видела ее совсем другой — притихшей, задумчивой.

Это было под вечер, когда мы собирались на полеты. В ту ночь мы должны были бомбить немецкий штаб и боевую технику в одной из кубанских станиц под Краснодаром. Юлька молча натянула на себя комбинезон, надела шлем, перекинула через плечо планшет, села на деревянные нары и безвольно опустила руки. Потом вдруг резко откинулась назад, легла на спину. Так она лежала некоторое время, глядя в потолок. О чем она думала? Мы ждали.

Наконец она с усилием сказала:

— В этой станице я выросла. Там моя мама…

Никто не произнес ни слова. Трудно было что-нибудь сказать.

Юлька решительно поднялась и куда-то ушла.

Через полчаса командир эскадрильи ставила нам боевую задачу. Задание было несколько изменено: нам предстояло бомбить боевую технику на окраине станицы, а Юлька со своим штурманом должна была на рассвете уничтожить штаб в самой станице.

— Я там знаю каждый дом, — объясняла она всем со странной торопливостью.

Мы понимали: она волнуется.

Штаб Юлька действительно разбомбила. Утром прилетела назад довольная, возбужденная. Размахивая шлемом, рассказывала:

— Понимаете, я видела свой дом! Спустилась и низко-низко над ним пролетела!..

Усталые, мы медленно шли по ровному полю аэродрома. Героем дня была Юлька. И все это признавали.

— А немцы не ждали бомбежки, — продолжала она. — Я спланировала совсем неслышно. Они только потом спохватились. Начали стрелять, когда услышали взрывы.

Ветер трепал светлые Юлькины волосы, лицо ее горело. Такой она запомнилась мне на всю жизнь — на фоне ветреного неба, гордая и счастливая.

Вскоре наши войска освободили Юлькину родную станицу. Но ей самой уже не пришлось там побывать. В одну из черных мартовских ночей Юлька была смертельно ранена.

Всего несколько месяцев летала с нами Юля Пашкова. Наша Юлька. А казалось — годы…

А речка маленькая...

Сразу за станицей пруд, поросший камышом. Каждый вечер мы слушаем лягушечьи концерты. Кваканье разносится по всей станице. Даже на аэродроме слышно звонкое пение лягушек, и только шум мотора, работающего на полной мощности, заглушает его.

В стройном хоре без труда различаешь отдельные голоса. Почти ни одна из лягушек не квакает в буквальном смысле слова. Они что-то выкрикивают, каждая свое.

«Пи-ва! Пи-ва!»

«Курро-Сиво! Курро-Сиво!»

«Тё-ть! Тё-ть! Тё-ть!»

Уже стемнело. Скоро одиннадцать. Но кажется, что еще рано, потому что небо светлое. Луна плывет высоко-высоко. На ней отчетливо видны темноватые пятна, похожие на земные материки.

Сегодня я впервые поведу самолет на цель как летчик. И Жека Жигуленко тоже. Мы с ней вместе шли на аэродром, но об этом никто из нас не обмолвился ни словом. Пусть будет все как всегда...

Как раньше.

На старте, как обычно, все заняты своими делами. Получив боевую задачу, летчики расходятся по самолетам.

Я иду к своей «шестерке», и девушки на прощание желают мне удачи — кто улыбкой, кто кивком головы или приветственным взмахом руки.

— Распадается, распадается благородное штурманское сословие, — говорит штурман полка Женя Руднева. Она сегодня «вывозит» меня.

— Ничего. Новые, свежие силы вольются в славную штурманскую семью, — отвечаю я в том же тоне.

Действительно, с прибытием в полк группы летчиц, так называемого пополнения, стала остро чувствоваться нехватка штурманов. После того как в феврале нам присвоили гвардейское звание, в полку стало четыре эскадрильи вместо двух. И если к нам присылали женщин-летчиц, работавших инструкторами в аэроклубах, и даже техников, то штурманов взять было неоткуда: их просто не было. Тогда Женя Руднева организовала внутриполковой «университет»: девушки из вооруженцев и кое-кто из техников стали изучать штурманское дело. Преподавала сама Женя

и лучшие штурманы полка. Девушки, которых обучала Женя, души в ней не чаяли. Занимались с энтузиазмом, ходили за ней по пятам…

Еще некоторое время орут, перебивая друг друга, лягушки. Потом кваканье сменяется фырканьем и рычанием моторов.

Я взлетаю. Мы с Женей летим бомбить немецкую технику в населенном пункте. И Женя, как штурман, говорит мне все то, что я всегда говорила своему летчику. И я слушаю ее так, будто все это мне неизвестно…

Вот и цель впереди. Обыкновенная. Ничего особенного. Я уже бомбила ее раньше, она мне хорошо знакома. И все же сегодня она выглядит по-другому. Населенный пункт разросся, небольшая речушка со светлым песчаным руслом кажется огромной рекой, а лесок за ней вдруг стал больше и темнее.

Я знаю, сейчас зажгутся прожекторы. Их здесь четыре. И пулеметы начнут стрелять. Но мы уже почти над целью, а они молчат. И я начинаю нервничать…

Наконец зажглись. Застрочили пулеметы — всё так, как и должно быть. Женя спокойно направляет самолет на цель, бомбит, уводит меня от пулеметных трасс. Мы даже выходим из лучей.

Сами.

Я оглядываюсь: нет, все-таки речка совсем маленькая, а лесок такой же, как и был…

— Ну, теперь ты летчик обстрелянный, настоящий летчик, — громко смеется Женя.

…В следующую ночь мы бомбили переправу. Сплошная облачность заставила нас лететь на высоте ниже восьмисот метров. В небе — ни звездочки. Внизу темнела Кубань. Неподалеку от линии фронта горели пожары, и в воздухе стояла дымка. Красноватые отблески лежали на темных клубах туч.

Когда прожекторы поймали самолет, зенитные пулеметы обрушили на него весь свой огонь. Женя спокойным голосом говорила что-то, а мне казалось, что нам уже не выбраться… В самый неподходящий момент мне вдруг страшно захотелось узнать, что будет через пять минут. Будет ли мой По-2 лететь с курсом домой или…

Мы вернулись домой. И еще два раза слетали на цель.

А утром после боевой ночи я никак не могла уснуть. Тогда я взяла карандаш…

…Не скоро кончится война,
не скоро смолкнет гром зениток.

Над переправой – тишина,
и небо тучами закрыто.

Зовет мотор: вперед, скорей,
лети, врезаясь в темень ночи!
Огонь немецких батарей
как никогда предельно точен.

Еще минута – и тогда
взорвется тьма слепящим светом…
Но, может быть, спустя года
во сне увижу я все это.

Войну и ночь. И свой полет.
Внизу – пожаров свет кровавый.
И одинокий самолет
среди огня над переправой.

Убита над целью

Доложив командиру полка о выполнении задания, я уже хотела уходить, но задержалась на старте. В воздухе вспыхнула и медленно погасла красная ракета. Сигнал бедствия.

На посадку заходил самолет. Не зажигая навигационных огней, без обычного круга над аэродромом.

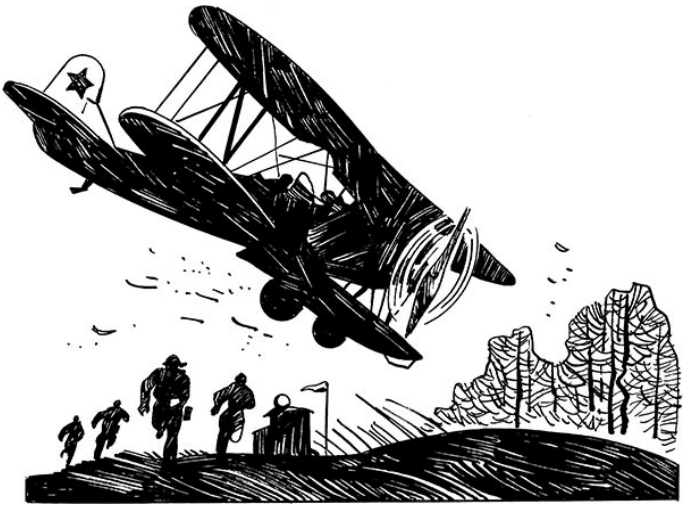
Бершанская нахмурила брови: что-то случилось.

— Прожектор! — распорядилась она.

И сразу посадочная полоса залилась мягким, рассеянным светом.

Самолет снижался неуверенно. Далеко от посадочных знаков. Слишком далеко. В свете луча был отчетливо виден белый номер на хвосте. «Тройка». «Это вернулась Дуся Носаль», — подумала я.

Командир полка вынула папиросу и стала машинально чиркать зажигалкой, продолжая смотреть на самолет. Папироса в руке смялась, но Бершанская не замечала этого. С тревогой она следила за приземлением самолета.

Почти у самого края аэродрома он тяжело стукнулся колесами о землю, пробежал немного и остановился. Видимо, летчик не собирался рулить к старту.

— «Санитарка»! Быстро! — хрипловатым голосом крикнула Бершанская.

Машина с красным крестом уже ехала через

аэродром. Все бросились на посадочную полосу.

Когда я подбежала к самолету, Дусю вынимали из кабины. Ее положили на носилки. Сняли шлем с головы. Неподвижно, неестественно согнувшись, лежала она на носилках, поставленных прямо на землю. Свет прожектора падал на безжизненное лицо. На виске темнело пятно.

«Зачем ее так положили? Ей же очень неудобно… — подумала я. — Зачем ее так положили?» Эта мысль не давала мне покоя. Я не хотела, я отказывалась понимать, что теперь это не имеет значения.

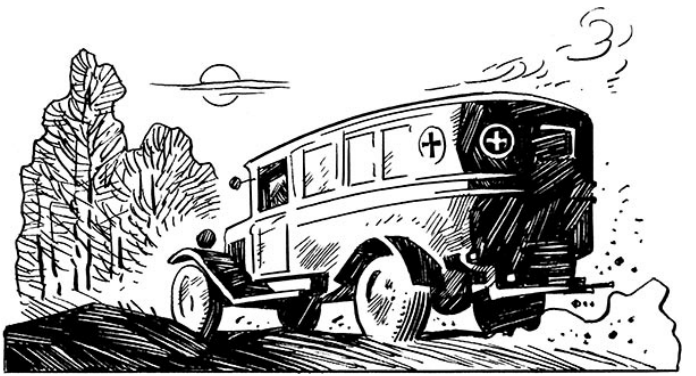
Подошла Бершанская. Штурман Глаша Каширина шагнула ей навстречу.

— Товарищ командир… задание выполнено. — Она глотнула воздух и шепотом добавила: — Летчик… Дуся… убита.

Я смотрела на Дусю. Казалось странным, что она никогда не поднимется, даже не пошевельнется…

Прожектор погас, и только луна освещала голубоватым светом ее лицо. Белела цигейка отвернутого борта комбинезона. Светлели пятнистые унты из собачьего меха. Трехцветные — из рыжих, белых и черных пятен. В полку только у Дуси были такие, и она хвасталась, что поэтому

ей всегда везет...

Рядом стоял Дусин самолет. Прозрачный козырек в передней кабине был пробит. Снаряд прошел через плексиглас, оставив в нем круглое отверстие, и разорвался в кабине.

На следующий день Глаша рассказала, как это случилось.

Они уже взяли обратный курс, чтобы лететь домой, когда справа, чуть выше, на фоне луны мелькнула тень. Глаша успела различить двух-

фюзеляжный немецкий самолет. Он пролетел и тут же исчез. Сказав об этом Дусе, она стала еще внимательней смотреть по сторонам. Дуся тоже вертела головой.

Справа под крылом поблескивала Цемесская бухта. На берегу, раскинувшись большим полукругом, светлел Новороссийск. Время от времени над Малой Землей, плавным уступом вдающейся в море, желтоватым светом вспыхивали «фонари» и, оставаясь висеть в воздухе, освещали позиции наших войск. Вражеские самолеты бомбили прямо по траншеям…

И все-таки немецкий летчик увидел их раньше. Он атаковал По-2 спереди, спикировав на освещенный луной самолет. На мгновение яркая вспышка ослепила Глашу, и в тот же момент темная громада, закрыв собой небо, с шумом промчалась над ними.

Глаша сразу поняла, что означала эта вспышка. Она окликнула Дусю. Раз, второй, третий…

Дуся не отвечала. Голова ее была опущена на правый борт, как будто она разглядывала что-то внизу, на земле. Но так странно опущена… Лбом она упиралась в борт…

Поднявшись с кресла в своей кабине, Глаша протянула руку вперед, к Дусе, тронула ее за

плечо, затормошила, затрясла… Дусина голова беспомощно закачалась и ткнулась в приборную доску.

Глаша почувствовала, как от ужаса холодеет сердце. Неужели… неужели убита?!

Тем временем самолет, опустив нос, разворачивался, набирая скорость. Когда Глаша взялась за ручку управления, оказалось, что двигать ею почти невозможно: тело Дуси осело вниз, надавив на ручку.

Глаша встала во весь рост, перегнулась через козырек кабины подальше вперед и, захватив руками меховой воротник Дусиного комбинезона, с силой потянула его кверху, приподняв отяжелевшее тело. Руки стали липкими… Совершенно спокойно она вытерла их о свой комбинезон. С этого момента чувства ее притупились. Она знала, что нужно делать и как поступать. Все же остальное ее как будто не касалось…

Перед самой войной Глаша училась летать в аэроклубе. Теперь это ей пригодилось.

Она с трудом вела самолет. Тело Дуси сползало вниз, и время от времени Глаша вставала и подтягивала его кверху, чтобы высвободить управление. Она летела как во сне. Ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то дру-

гим.

Точно такое же чувство она испытывала, когда вместе с Соней Озерковой, инженером полка, выбиралась из окружения. В то время она была механиком самолета. Прошло восемь месяцев, и многое изменилось: Глаша стала штурманом. С Дусей она полетела на задание впервые. И вот теперь возвращалась с ней, с мертвой…

Дусю убили… Неужели убили?! Дуся… Лучший летчик в полку. Своенравная и резкая, веселая, остроумная, жизнерадостная. Таких или любят, или нет, но равнодушными к таким не остаются.

Время тянулось медленно. Рядом с самолетом бежала луна. Та самая луна, которая провожала их до самой цели и потом так предательски осветила самолет. Но теперь она немного отставала и держалась на некотором расстоянии, поглядывая на самолет издали, как будто боялась к нему приблизиться.

Увидев знакомые огоньки аэродрома, Глаша словно очнулась от сна. Волнуясь, дрожащими руками она зарядила ракетницу. Ракету! Красную ракету! Предстояло самое трудное — посадить самолет. Сможет ли она?.. Двинуть ручку управления на себя было невозможно…

Убрав газ, Глаша планировала на посадочную

полосу, освещенную прожектором…

Утром после трагической ночи, когда кончились полеты, Бершанская сказала Ире:

— Себрова, перегоните самолет Носаль на основную точку.

Ирин самолет требовал небольшого ремонта, и его решили оставить здесь, на аэродроме «подскока», куда мы прилетали ежедневно для боевой работы.

— Есть! — ответила Ира, и мы пошли туда, где отдельно от других стоял Дусин самолет.

Провожая Иру, я задержалась на крыле, и мне бросилась в глаза забрызганная кровью фотография на приборной доске. На меня смотрел чубатый парень с орлиным носом и решительным ртом. В форме летчика, с петлицами. Это был Грыцько, Дусин муж.

И я вспомнила, как попала сюда эта фотография. После того как однажды в полете из отверстия на приборной доске вылез мышонок и страшно напугал Дусю, она решила заклеить отверстие. Потом ей пришла в голову мысль закрыть его фотографией.

Прикрепляя фото своего Грыця, она в шутливом тоне приговаривала:

— Вот. Пусть! Пусть попробует, что такое вой-

на. А то сидит себе там, в тылу. А жена должна воевать.

Грыць был инструктором в летной школе на Урале. Он готовил летчиков-истребителей, и его не пускали на фронт. Дуся часто вспоминала его. Они собирались воевать вместе. У них было горе. Большое общее горе…

Только один раз Дуся рассказала нам об этом своем горе. Слишком тяжело было вспоминать.

За несколько дней до начала войны у нее родился сын. В то время они с Грыцем жили в пограничном городе в Белоруссии. Дуся еще лежала в роддоме, когда рано утром началась бомбежка. Рухнули стены, развалилось здание. Дуся чудом осталась жива. Но она не могла уйти с того места, где еще недавно стоял большой, светлый дом. Там, под обломками, лежал ее сын… Ее оттаскивали силой, а она скребла ногтями землю, цеплялась за камни…

Дуся старалась забыть все это. Она летала, летала и каждую ночь успевала сделать больше боевых вылетов, чем другие. Никто не мог угнаться за ней. Она всегда была первой.

…Через день мы хоронили ее. Она лежала в гробу строгая, с перебинтованной головой. Трудно было сказать, что белее — ее лицо или бинт…

Прозвучал салют. Три залпа из винтовок. Низко-низко пролетели парой краснозвездные истребители. Они покачали крыльями, посылая прощальный привет.

Свежий холмик вырос на окраине станицы. С деревянного памятника смотрела Дуся: темные крылья бровей, внимательный взгляд, упрямый подбородок.

Через несколько дней мы узнали из газет, что Дусе присвоено звание Героя Советского Союза. И кто-то нацарапал на свежей краске памятника: «Евдокия Носаль — летчик-герой»…

Расскажи, как цветет миндаль

В палате их было трое. Штурман Хиваз Доспанова лежала с переломом ног. Техник Таня Алексеева уже поднялась после желтухи. У Раи Ароновой никак не затягивалась глубокая рана в бедре.

Одна койка оставалась свободной.

Я навещала их каждый день. Госпиталь размещался недалеко от санатория, куда присылали на короткий отдых летчиков из боевых полков. Здесь, в южном курортном городе, было много солнца и тишины.

Девушки подолгу не отпускали меня, в десятый раз слушая о том, что делается в полку, как течет жизнь за стенами госпиталя, или, как они выражались, «на воле». Когда я входила к ним в комнату, они встречали меня радостными восклицаниями, а Хиваз вместо приветствия говорила, улыбаясь:

— Натусь, расскажи, как цветет миндаль…

И я протягивала ей веточку нежных бледно-розовых цветов. Я специально делала большой крюк по дороге, чтобы сорвать ее.

Хиваз любила расспрашивать о том, высокие ли тут горы, и какие деревья цветут в парке, и можно ли перейти вброд речку… Слушала она с широко раскрытыми глазами, и я была уверена, что она живо представляет себе сиреневые горы, за которыми прячется солнце, и мысленно скачет через узкую бурлящую речку по камням.

Она забрасывала меня вопросами, и я без конца рассказывала обо всем, что знала и видела. Не решалась только сказать о гибели Дуси… Они еще не знали об этом.

Слушая меня, Хиваз вдруг отворачивалась к стенке и потом, быстро повернув голову, смотрела на меня требовательным взглядом.

— Как ты думаешь, буду я летать?

Она не спрашивала, будет ли она ходить. Вероятно, летать и ходить означало для нее одно и то же.

Гибкая и тоненькая Хиваз, всегда такая легкая и стремительная, уже два месяца лежала неподвижно, закованная в гипсовый панцирь от плеч до кончиков пальцев на ногах. Только руки оставались свободными. Ноги были переломаны в нескольких местах — выше и ниже колен. Кости срастались неправильно, их ломали и снова составляли…

Грустно было смотреть на нее. Раньше она никогда не могла усидеть на месте, как ветер носилась по аэродрому, по общежитию, по станице. Всегда спешила что-то узнать, о чем-то рассказать, кого-то разыскать. Появляясь внезапно то здесь, то там с яркой лентой или цветком в волосах, она приносила с собой шум, веселье, суматоху.

Теперь, когда Хиваз спрашивала, будет ли она летать, я отвечала ей, что это зависит только от нее самой. На губах девушки появлялась недоверчивая улыбка, но мой ответ ей, видимо, нравился. Она вздыхала и просила:

— Еще расскажи…

Как-то раз утром я задержалась в санатории: из полка приехали две летчицы. В госпиталь я пришла без цветов. По дороге все время думала, как сообщить девушкам о смерти Дуси, но так ничего и не придумала.

В палате было тихо. Хиваз спала, Рая писала, облокотившись о подушку. Перед ней на тумбочке лежал исписанный листок: письмо от Дуси, полученное всего несколько дней назад. Когда оно пришло, Дусю уже похоронили. Я подсела к Рае, но ничего не сказала.

Хиваз открыла глаза и, увидев меня, невесело

улыбнулась. Я догадалась: снова будут ломать. И с облегчением подумала, что сегодня уж никак нельзя расстраивать ее.

Когда в палату вошла Таня, девушки с любопытством повернули к ней головы. От нее, «ходячей», всегда ждали новостей. Она знала это и старалась полностью оправдать возлагаемые на нее надежды: не было случая, чтобы она не принесла «лежачим» какого-нибудь известия или просто маленькой новости госпитального масштаба.

Перекинув через плечо черную косу, Таня подняла худую руку и помолчала, выжидая. Она предвкушала удовольствие сообщить что-то новое. Вид у нее был торжествующий, цыганские глаза весело поблескивали.

— Девочки, — сказала она и сделала паузу. — Борода начал ходить!

— Ур-ра! — закричала Хиваз, моментально приходя в восторг. — Таня, Таня, спляши вместо меня! Нет-нет, я сама!

Она тут же с помощью пальцев и кистей рук изобразила какой-то замысловатый танец.

У летчика по прозванию Борода были переломы ног, и он долго лежал в гипсе. Хиваз ни разу не видела его, но всегда передавала приветы через Таню. Они были друзьями по несчастью, и все,

что касалось Бороды, Хиваз принимала близко к сердцу.

— Это — первое. — Таня снова подняла руку. — А второе…

— Ну!

Я напряженно ждала: сейчас она скажет о Дусе…

— Второе: к нам привезли Тасю Фокину. Только не волнуйтесь — могло быть хуже. У нее разворотило челюсть при вынужденной посадке.

— Как же это она так? — спросила Рая.

— Кажется, самолет зацепился за дерево. На взлете отказал мотор.

— А где же она? Где? — волновалась Хиваз. — Ты видела ее?

— Видела. Сейчас ее приведут. И еще могу вам сообщить, что послезавтра меня выписывают! Готовьте письма в полк!

— Счастливая!

Таня сияла, ей не терпелось скорее уехать в полк. Нет, она не успела узнать о Дусе. Конечно, рано или поздно девушкам все равно станет известно. Пусть только не сегодня, когда у Хиваз операция…

Открылась дверь.

— А вот и Тася.

В сопровождении сестры вошла Тася с перебинтованной вдоль и поперек головой, казавшейся неправдоподобно большой.

— Вот вам и четвертая, — сказала сестра и повела ее к свободной койке.

— Привет!

— Здоро́во!

— Тася, подойди же сюда, я тебя не вижу! — нервничала Хиваз, вертя головой.

Начались расспросы. Почти не двигая ртом, Тася промычала все полковые новости. Только после этого ее оставили в покое. Но и она ничего не сказала о Дусе. Вероятно, была уверена, что девушки знают о ее трагической гибели.

Взявшись обеими руками за голову, Тася с минуту молча посидела на стуле, потом улеглась на койке, повернувшись лицом к стенке. Она устала и не хотела больше участвовать в разговоре. Слышно было, как она потихоньку кряхтит, чтобы не стонать.

Рая попросила Таню:

— Покарауль у двери. Предупреди, если появится сестра.

Таня вышла, а Рая достала из-под матраца толстую палку, которую там прятала, и, опустив ноги на пол, осторожно встала. Опираясь на палку,

медленно прошлась по комнате.

— Больно? — спросила я, видя, что она морщится.

— Понимаешь, ноет все время. Но сколько же можно лежать? И так уже вторую неделю.

Врач еще не разрешал ей ходить, но у Раи была своя теория: ногу нужно упражнять, тогда рана быстрее заживет.

Утомившись, она села на койку и потрогала больное бедро.

— Смешно: почему-то кажется, что одна нога короче другой.

Хиваз смотрела на нее с завистью.

— Вот и тебя скоро выпишут…

Она вздохнула, вероятно подумав о предстоящей операции, и, ни к кому не обращаясь, спросила:

— А я смогу летать?..

Приближалось время обхода врача. Сегодня хирург назначит Хиваз час операции. Обычно он оперирует после обеда.

В раскрытое окно заглядывало солнце. Вместе с легким ветерком в комнату врывались запахи весны и тут же смешивались со стойким больничным запахом. Недалеко отсюда высились горы. Цвели деревья. По утрам в долине роз стоял про-

зрачный туман. Ничего этого девушки не видели. Они только знали название города: Ессентуки.

Я встала, собираясь уходить. Хиваз подняла на меня черные испуганные глаза и тихим капризным голосом протянула:

— Не-ет, не уходи-и…

Она попыталась улыбнуться, словно просила простить ее слабость.

— Расскажи, как… цветет…

Не договорив, она закрыла лицо руками и сказала:

— Иди.

Медленно отступая к двери, я продолжала смотреть на Хиваз. Она лежала, закрыв ладонями лицо, и я не знала, как ее успокоить.

— Я приду, Хиваз… Завтра.

Повернувшись к двери, я чуть не столкнулась с Таней. Она вошла незаметно и стояла тихо, с потухшим, отсутствующим взглядом, опустив голову. Ее лицо, обычно подвижное, окаменело. Все сразу поняли: что-то произошло. Я догадалась: Дуся…

Нерешительно Таня подняла голову, обвела всех взглядом и сказала:

— Дусю Носаль… убили.

— Не может быть! — воскликнула Рая. — Я же

ей письмо…

Таня повернулась ко мне.

— Это правда. Уже десять дней прошло, — подтвердила я.

На тумбочке еще лежало Дусино письмо. Она подбадривала Раю и Хиваз, обещала прилететь за ними, когда их будут выписывать из госпиталя.

Рая вдруг рванулась, будто хотела вскочить и немедленно куда-то бежать, но, застонав от боли, осталась сидеть в постели, запрокинув голову и закусив губу. Ее густые темные волосы, собранные в пучок, рассыпались по подушке.

Хиваз ничего не говорила и только в ужасе смотрела на меня. Губы ее подрагивали, будто она хотела что-то сказать, но у нее не получалось. Наконец еле слышно она прошептала:

— Лучше бы меня…

Разве же я дам тебя в обиду!

Приближается время выруливать самолеты. Мы идем по ровным зеленым улицам станицы. Из-за деревьев, выглядывают белые домики. В садах, где стоят наши По-2, уже работают механики, расчехляют моторы, готовят самолеты к полетам.

Тихо. В траве перекликаются кузнечики.

— Хорошо, а! — говорит Жека, и в ее глазах отражается закат. Она идет рядом со мной, размахивая тонким прутиком, сбивая на ходу травинки.

На землю уже ложится тень, и только верхушки деревьев еще золотятся, да рыжеватые Жекины волосы ярко пламенеют.

— Жека! Жигули! Наша эскадрилья вылетает сегодня первой! — кричит издали Жекин штурман.

— Ладно, еще рано! — отвечает она.

В это время неподалеку слышится тарахтение мотора. На повороте улицы появляются на мотоцикле ребята из соседнего полка. Останавливаются. Жека не может пройти мимо этой техники равнодушно.

— Можно прокатиться? А ну, покажите, как тут

управлять.

Ребята охотно объясняют, где и как нажимать.

— Давай? — предлагает она мне.

Мы пробуем по очереди. Сначала ездим на летном поле, где нет никаких препятствий. «Осваиваем» технику. Потом принимаем решение прокатиться вдоль улицы, по станице.

Жека садится за руль, я — сзади верхом. Шум, грохот — весело! Сначала все идет нормально. Но вот Жека разгоняет мотоцикл (надо же порисоваться перед ребятами!). Вдруг из-за угла машина! Жека решает развернуть мотоцикл влево, в переулок. А скорость не убрала. И мотоцикл с большим радиусом разворота скачет через канаву прямо на деревья.

Я успеваю закрыть глаза перед тем, что должно случиться, и чувствую сильный удар: переднее колесо застревает между стволами деревьев. Жека грохается вперед, зацепившись головой за дерево, а я делаю сальто в воздухе и шлепаюсь о землю спиной. Больно, даже дыхание перехватило. Но мы знаем: на нас смотрят. И поднимаемся, улыбаясь, как будто ничего не произошло, как будто именно это мы и собирались сделать.

Ребята бросаются… к мотоциклу. Нет, он цел.

Хочется сесть и отдышаться. Но уже поздно,

нужно идти к своим самолетам. Слышно, как тарахтят запущенные моторы. Кое-кто уже выруливает.

Сначала шагаем молча, переживаем случившееся. Жека трогает огромную шишку на лбу. Потом, посмотрев друг на друга, громко хохочем.

Через час мой самолет уже приближался к району, где сосредоточились части противника. Как ни старалась я подойти к цели неслышно, все равно нас поймали. Широкие цепкие лучи. И как раз в тот момент, когда Лида Лошманова, мой штурман, готовилась бомбить. В кабине стало светло. К самолету потянулись снизу оранжево-красные ленты. Три крупнокалиберных пулемета швыряли вверх огненные шары.

Двадцать секунд я должна была вести самолет по прямой, не сворачивая. Всего двадцать секунд… Пах-пах-пах! Пах… Щелкают оранжевые шарики. Их много. Они будто пляшут вокруг самолета, все теснее окружая его.

— Еще немножко… — говорит Лида.

Я послушно веду самолет. Мы с Лидой еще не привыкли друг к другу, присматриваемся. В полете она спокойна, говорит мало, только самое необходимое. Вообще она мне нравится. У нее продолговатое смуглое лицо и умные, немного

грустные глаза.

Пах-пах-пах!.. Земля плывет под нами медленно. Очень медленно. Наконец Лида произносит:

— Готово.

Бомбы сброшены. И мне странно, что среди этой пляски шаров мы всё еще летим… Стреляют кругом. Я швыряю самолет то вправо, то влево, то вниз. Я уже не понимаю, что я делаю, где земля, а где небо. Вижу только блестящие зеркала прожекторов и огненные зайчики, весело бегущие к самолету.

Но почему луна внизу? Ведь это луна! Я узнаю ее. Немножко на ущербе. Она светила нам всю дорогу… А зеркала в противоположной стороне. Сейчас они вверху. А луна внизу… Значит, самолет в перевернутом положении! Я делаю невообразимый маневр. Сама не понимаю какой. Но все становится на место: луна вверху, зеркала внизу.

Неожиданно рядом с зеркалами несколько ярких вспышек. Взметнулись кверху снопы искр — и лучи погасли. Еще два взрыва. Грохот. Это рвутся бомбы, сброшенные самолетом, который летел следом за нами. Кто-то из девушек выручает меня…

— Наташа, возьми курс пятнадцать градусов, —

напоминает Лида.

Да, да, конечно. Я беру курс домой, двигаю ручкой управления: вправо-влево, вперед-назад. Мотор работает, самолет летит. Но все еще не верится, что ничего не произошло.

На земле я выясняю, что это была Жека.

— Так я же знала, что это ты! — говорит она. — Я вылетела почти сразу за тобой.

Она, смеясь, обнимает меня.

— Разве же я дам тебя в обиду!..

Талисман

Сквозь плотно занавешенные окна прорвался узкий солнечный луч. Как живой, заиграл тысячами светлых пылинок. Медленно пополз по одеялу. Это Галина койка.

А Галя не вернулась…

Слышно было, как ворочались на соломенных матрацах девушки. Никто не спал. Полеты были тяжелые.

Солнечный луч двигался дальше. Осветив кусочек стенки, он стал подкрадываться к кукле. Кукла — Галин талисман. Подарок знакомого летчика, который летал на «бостонах».

У куклы было семьдесят три боевых вылета. Она сидела, прислонясь к подушке, растерянно глядя в пространство. Вдруг неподвижное лицо ее оживилось, засветилось, как будто она вспомнила что-то хорошее. Но луч скользнул дальше — и оно погасло.

Я закрыла глаза. Спать, спать… Вечером снова на полеты.

Ты мой белый, шелковистый,
Не скучай, друг, без меня…

До войны Галя увлекалась прыжками. Это ее стихи о парашюте. Белый, шелковистый…

А Галя сгорела. У нее не было парашюта. Вместо парашютов мы брали дополнительный груз бомб.

Хорошо бы уснуть…

Это случилось вчера. Был обыкновенный вечер, такой, как другие. Поднимая пыль, рулили к центру поля самолеты. Приземистые, похожие на стрекоз По-2 раскачивались на ухабах. Ровный рокочущий гул стоял над аэродромом.

Но вот последний самолет пристроился сбоку к остальным. Мотор фыркнул и умолк. И сразу наступила тишина. Такая густая и липкая, что стало больно ушам и захотелось крикнуть: «А-а-а!» Казалось, голос твой растает в тишине.

Я громко позвала:

— Галя!

— Чего, Нат?

Галя сидела сзади, в штурманской кабине. Зашелестела бумага.

— Мне показалось, что я оглохла. Но теперь слышу: квакают лягушки, ругаются механики…

— Машина развозит бомбы, кричит дежурный по полетам, — продолжила Галя.

— Ты пишешь? Письмо?

— Нет. Так просто. Пришло кое-что в голову.

— А-а-а. Ну, пиши, — сказала я и подумала: «Стихи, наверное».

Она опять зашуршала бумагой — спрятала в планшет.

Я уселась в кабине поудобнее. Запрокинула голову — теперь я видела только небо и кусочек крыла. Можно было отдохнуть, даже вздремнуть: самолет, улетевший в дивизию за боевой задачей, еще не вернулся.

На землю спускались теплые летние сумерки. Очертания самолетов стали нечеткими, расплывчатыми. На небе выступили первые звездочки. Словно испугавшись, что появились слишком рано, они слабо мерцали в вышине. Их трудно было увидеть сразу. Но если выбрать небольшой участок неба и долго всматриваться в него, то обязательно найдешь две, три и даже пять неярких серебряных точек.

— На-ат, — сказала Галя, — почему-то мне все еще не верится, что мы полетим вместе. Странно…

Сердце у меня сжалось, словно кто-то сдавил его и не отпускал.

— Почему? — спросила я. Спросила очень тихо. Я знала почему.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что ты летчик. Всегда мы были штурманами, и вот теперь… ты! — Голос ее становился все тише, и она умолкла совсем.

Мне стало жарко, на лбу выступили капельки пота. Я медленно, стараясь, чтобы Галя не заметила моего волнения, стянула с головы шлем, расстегнула воротник комбинезона.

Уже не в первый раз я испытывала это тягостное чувство. Мне было жаль Галю, до слез обидно за нее. И в то же время я чувствовала себя виноватой, словно отняла у нее самое дорогое, близкое сердцу. Мечту? Может быть.

Нас было пятеро. Пять девушек-штурманов, которые умели управлять самолетом. Все мы хотели стать летчиками. И Галя мечтала об этом. Может быть, больше всех. Но именно ей одной это не удалось.

Несчастный случай. Нелепость. Это произошло ночью между вылетами. Пока механики ставили заплаты на пробоины в крыле, Галя прилегла отдохнуть. Она уснула в траве у самолета… Когда ее вынули из-под колес бензозаправщика, никто не надеялся, что она будет жить.

Потом госпиталь. Сломанный позвоночник долго не срастался. Спустя полгода Галя, не до-

лечившись, вернулась в полк. И снова летала. Только о мечте своей больше не говорила.

Некоторое время мы молчали. Я не умела и не пыталась утешать Галю.

От земли, щедро нагретой за день солнцем, поднимался теплый воздух. Неслышными, легкими прикосновениями он успокаивал, и казалось, что погружаешься в мягкую, ласковую волну. Хотелось забыть обо всем, ни о чем не думать. Только сидеть так, не двигаясь, и ничего не видеть, кроме темного крыла на фоне неба и голубоватого мерцания звезд, чистых, только что родившихся.

Галя заговорила первая:

— Когда я вот так смотрю на звезды, мне кажется, что все уже было раньше. И я жила уже однажды, давным-давно. И вечер был точь-в-точь такой же.

Помолчав немного, она вдруг сказала совсем другим, глуховатым голосом:

— Знаешь, прошел ровно год с тех пор…

— Да. Июль.

— А мне кажется, что все это случилось только вчера.

— Не думай об этом.

— Если бы не ужасная боль по временам. Она мне постоянно напоминает. И так мешает.

— Ты слишком устаешь, Галка. Много летаешь. Так нельзя!

— Нет, я не о том. Я не могу не летать. И не могу простить себе, никак не могу!

— Но ты же не виновата!

— Виновата. Ранение в бою — это одно. А искалечиться просто так, ни за что ни про что — это совсем другое.

— Ты могла бы работать в штабе, — сказала я. — Но сначала все равно нужно вылечиться.

— А война? Я бы презирала себя всю жизнь. Другие умирают, а мне ведь только больно.

— Не все умирают. И потом, не обязательно, чтобы летала именно ты…

Я чувствовала, что говорю не то.

— Не надо, Нат, — попросила она.

Да, да, не надо. Все равно она будет летать. Будет, несмотря ни на что.

Описав дугу в полнеба, упала яркая звезда. Еще одна… еще.

— На-ат!

— Да?

— Ты задумала?

— Нет. Не хочется.

— А я задумала…

Спрашивать, какое желание, не полагалось. И

мы сидели в своих кабинах, глядя, как темнеет вечернее небо.

Все чаще чья-то невидимая рука чертила по небу в разных направлениях четкие серебряные линии. Они появлялись неожиданно и тут же бесследно исчезали, внося что-то тревожное в неподвижную тишину вечера.

Я думала о Гале. Она всегда казалась мне сильной, целеустремленной.

Впервые я увидела ее в Москве, еще до войны. Прыгали парашютистки — студентки авиационного института. С неба на зеленый ковер аэродрома опустилась девушка. Высокая, гибкая, она ловко «погасила» парашют, и белый шелк купола упал к ее ногам. Галю окликнули, и она обернулась. Темные, узкого разреза глаза, смуглое красивое лицо. Еще тогда я заметила в ее глазах какое-то особенное выражение радости. Словно ей было известно что-то очень хорошее, от чего растут крылья и удесятеряются силы, и словно радость эту она хочет отдать всем.

Да, Галя была удивительной девушкой. А могла бы я вот так же, как она? Переносить эту боль, жить с ней и летать, летать…

Не раз ей предлагали уйти с летной работы. Но она упорно не соглашалась. Однажды, когда

командир полка осторожно заговорила с ней на эту тему, Галя пошла на отчаянный шаг.

— Вы думаете, что я не могу летать? Что мне трудно?

Глаза ее лихорадочно заблестели, она неестественно громко засмеялась и воскликнула:

— Смотрите!

Быстро запрокинув руки назад, она согнула колени и сделала «мостик». В первое мгновение все окаменели от неожиданности.

Выпрямившись, Галя стояла бледная как мел и улыбалась. Подбежавшая к ней командир полка смотрела на нее серьезно, нахмурив брови.

— Зачем же ты... так? — тихо сказала она. — Разве я не понимаю?..

Галю отправили в санаторий, но летать разрешили.

Приехала она оттуда счастливая. Привезла с собой куклу — подарок. В Галиной жизни появился Ефимыч, от которого стали приходить письма.

Когда над нашим аэродромом пролетала на запад девятка «бостонов», все знали: это Ефимыч повел свою эскадрилью.

...Стемнело. Самолета с боевой задачей все еще не было. По-2 стояли в шахматном порядке, готовые к вылету. Мелькал свет карманных

фонариков — механики проверяли заправку горючим.

— В детстве, совсем еще девчонкой, я мечтала о подвигах. И почему-то была уверена, что погибну как-нибудь трагически… Ты слушаешь меня, Нат?

— Да. А теперь?

— Потом все прошло. А сейчас… — Галя помедлила.

— Что сейчас?

— Я иногда опять чувствую себя девчонкой.

— Все это вздор. Через десять лет мы с тобой будем вместе вспоминать этот вечер.

— Не могу себе представить. Странно, почему? Я ведь так легко воображаю себе все, о чем думаю.

— Просто это еще очень не скоро.

— Странно… — повторила Галя.

— А талисман твой? — пошутила я.

— Я не верю в это.

— Кукла с тобой?

— Да. Но я беру ее просто потому, что она от Ефимыча.

— Сегодня пролетали «бостоны». Ты видела?

— Они вернулись без потерь. Всей девяткой.

Мне хотелось поговорить с Галей о рассказе, который она написала в наш полковой литера-

турный журнал. Но что-то останавливало меня. Рассказ назывался «Кукла». О девушке-летчице, погибшей за Родину. После нее осталась только обгорелая кукла-талисман. Ясно, что Галя написала о себе. Зачем она это сделала? Нарочно, чтобы испытать судьбу?

Но я только спросила:

— А он в самом деле такой… хороший, твой Ефимыч? Я прочла рассказ.

Она ответила не сразу.

— Не знаю. Может быть. Но я хочу, чтобы он был таким. Другим я его не представляю.

— А если он все-таки другой?

— Тогда… Нет, это невозможно. Я бы почувствовала.

…Послышался знакомый рокот — это возвращался самолет. Над стартом взмыла ракета. На несколько секунд из темноты вырвались силуэты самолетов, машин, людей. По земле пробежали длинные косые тени и быстро слились вместе. Ракета, рассыпавшись, погасла, оставив в воздухе светлый дымок.

Вскоре мы получили боевую задачу. Сразу на старте все ожило, задвигалось. Заработали моторы, забегали зайчики фонариков.

Я приготовилась включить мотор, как вдруг

кто-то громко позвал:

— Докутович! Галя!

— Здесь! — отозвалась Галя.

К самолету подошла Женя Руднева, штурман полка.

— Минуточку!

Она взобралась на крыло и обратилась сразу к нам обеим:

— Девочки, как вы посмотрите на то, чтобы вас разъединить на сегодня?

— Почему?

— Видишь ли, Галя, летчик Аня Высоцкая из второй эскадрильи просит дать ей более опытного штурмана.

— А у них разве своих нет? — спросила я.

Мне не хотелось отдавать Галю. Да еще в другую эскадрилью.

— Мы уже все прикинули: по-другому менять состав экипажей нельзя. Цель сложная, а у Высоцкой всего два боевых вылета.

— Ну что ж, если так… — сказала Галя и неохотно начала вылезать из кабины.

Женя спрыгнула с крыла и ждала ее у самолета.

— Я знаю, Галочка, что не обрадовала тебя. Но это нужно. Прошу тебя, будь внимательна.

Мне кажется, что Аня чувствует себя не совсем уверенно.

— Хорошо. Не волнуйся.

— Я почему-то боюсь за тебя, — вырвалось у Жени. — Как ты себя чувствуешь сегодня?

Она смотрела на Галю глазами, полными тревоги. Женя относилась к Гале с большой нежностью и уважением. Она знала, как ей бывает трудно, и все-таки верила в ее необыкновенную силу воли. Пожалуй, в полку она любила ее больше всех.

— Что ты, Женя! Все будет в порядке! — Галя тронула Женю за плечо и улыбнулась. Она уже повернулась, чтобы идти, когда Женя воскликнула:

— Постой, постой, я совсем забыла! Я и обрадовать тебя могу! — И протянула конверт.

Галя взглянула на письмо и спрятала его в планшет.

— Прочту, когда вернусь! — радостно сказала она и на прощание махнула рукой.

Усаживаясь в задней кабине, мой новый штурман удивленно воскликнула:

— Кукла! Какая чудесная! Чья она?

— Галя забыла. Беги скорей, отдай ей!

— Сейчас. — И она, взяв куклу, поспешила к старту, где стоял готовый к взлету самолет.

Через минуту она возвратилась.

— Опоздала! Уже улетела!

— Садись быстрей!

Приближалась наша очередь взлетать. Дежурный подал мне знак выруливать. В это время по взлетной дорожке, рассыпая снопы искр, бежал самолет. Там была Галя.

Самолет долго не хотел отрываться от земли. Но вот он, тяжело рыча, поднялся в воздух. Еще некоторое время были видны голубоватые огоньки выхлопов мотора. Потом ночная тьма поглотила его. Самолет улетел на запад. Туда, где стреляли зенитки, где в небо врезались ослепительно белые лучи прожекторов. Улетел, чтобы никогда больше не вернуться…

…Солнечный луч куда-то исчез. По-прежнему никто не спал. И кукла удивленно смотрела перед собой.

Хорошо бы уснуть…

Ты мой белый, шелковистый,

Не скучай, друг, без меня…

Вынужденная посадка

В одну из боевых ночей не вернулась из полета Ира, которая улетела на задание со штурманом Ниной Реуцкой. Я дежурила по части и узнала об этом только утром. Никто ничего не мог сказать о них толком, потому что их самолет вылетел последним.

Я ходила сама не своя, не зная, что думать. И вдруг они вернулись, приехав на попутной машине, живые и невредимые, с бледными, осунувшимися лицами.

Потом Ира рассказала подробно, как все произошло. В то время наши войска уже захватили плацдарм на побережье Керченского полуострова, и это спасло девушек.

На востоке чуть рассеивалась ночная мгла, когда Ира, возвращаясь с очередного задания, подлетала к аэродрому. Близился рассвет.

Зарулив на линию старта, она собиралась выйти из самолета, но увидела, что к ней спешит Бершанская.

— Себрова, может быть, успеете до рассвета слетать еще раз?

Ира думала, что больше не придется. Восемь раз она уже бомбила цель в эту ночь и порядком устала. К тому же в последнем полете ей показалось, что временами мотор работал со стуком. Не мешало бы проверить. Но сказать об этом Бершанской сейчас, когда она стояла и ждала ответа, глядя на нее, Ира не смогла. Командир полка знала, что скоро будет светло, но все же спрашивала. Значит, надо было. Скажи ей Ира о моторе, и она бы немедленно запретила лететь. Но для проверки работы мотора потребовалось бы время, а каждая минута была дорогá…

— Хорошо, — ответила она, чувствуя себя неловко, будто в чем-то провинилась. Ей показалось, что она даже покраснела.

— Как работал мотор? Нормально? — спросила техник Люба Пономарёва, заливая в бак горючее.

Бензин широкой струей лился в горловину из шланга, тихонько шумел бензозаправщик, работая на малом газу, и, немного поколебавшись, Ира решила не отвечать Любе, сделав вид, что не расслышала вопроса.

— Бомбы подвешены! — крикнула девушка из небольшой группы вооруженцев, которые теперь уже не спеша отходили от самолета: они кончили свою работу.

— К запуску!

Проворная Люба уже стояла у винта. Прокрутив его, она крикнула, отбегая в сторону:

— Контакт!

Через минуту самолет бежал по полю навстречу занимавшейся заре.

Ирины опасения относительно мотора оправдались. Снова появился стук, но мотор тянул, и она решила идти к цели. На востоке, там, откуда должно было появиться солнце, светились розовые полоски над темным, в тучах, горизонтом, а на западе еще оставалась ночь. От смешения тьмы и света в воздухе висела туманная мгла. Но с каждой минутой становилось все светлее…

Зенитки открыли огонь с запозданием. Видимо, не ждали такого позднего посещения. Они стреляли точно: разрывы окружили самолет. После каждой вспышки в небе оставался висеть темный дымок…

Отбомбившись, Ира взяла курс на восток. Наконец обстрел прекратился. Стало тихо-тихо. Совсем тихо, потому что мотор молчал. И неизвестно было, сам ли он остановился или же в него попал осколок. Громко затикали часы в кабине. Потом Ира почувствовала резкий запах бензина — вытекало горючее. Значит, все-таки осколок.

К счастью, линия фронта была близко.

— Будем садиться, — сказала Ира как можно спокойнее. Ей не хотелось пугать Нину, которой еще ни разу не приходилось садиться на вынужденную.

— А куда… садиться? — упавшим голосом спросила Нина.

Действительно, здесь, на небольшом клочке земли, который удерживали под Керчью наши войска, невозможно было найти площадку для безопасного приземления. Изрытая земля, вся в ямах и воронках, в колючей проволоке и надолбах, насквозь простреленная, израненная…

Самолет снижался в серую мглу, в неизвестность. Девушки внимательно разглядывали землю, но так и не смогли выбрать места для посадки. Высота падала, на горизонте и по сторонам вырастали горы, и обеим казалось, что они опускаются в глубокий темный колодец.

Последние метры… Впереди Ира увидела черную массу, надвигавшуюся прямо на самолет. Пронеслась мысль: «Сейчас врежемся…» И колеса коснулись земли. Короткая пробежка — и самолет, круто развернувшись, уткнулся носом в землю. Правое колесо попало в воронку. Это было спасением: до крутого холма впереди оставались считаные метры.

Откуда-то появилась машина, из нее выскочили два солдата, спросили у девушек, не ранены ли, указали направление к пристани и уехали. На ходу крикнули:

— Не задерживайтесь: катер уйдет! Скоро начнется бомбежка!

Уже совсем рассвело. Осмотревшись, девушки молча переглянулись, пораженные тем, что увидели. Нет, им просто повезло. Рядом с самолетом лежал на боку танк со свастикой. С другой стороны были танковые заграждения, сзади — телеграфные столбы, за ними — разбитый

истребитель.

Захватив с собой спасательные жилеты, которые выдавались на случай падения в море, Ира и Нина пошли к берегу. Там комендант пристани пристроил их на переполненный катер, который готовился к отплытию на Большую землю. Усталый, небритый, с воспаленными глазами, он нервничал, то и дело поглядывая на часы и торопя капитана катера: надо было успеть переплыть пролив до начала бомбежки. Авиация противника ежедневно по нескольку раз методично бомбила наш плацдарм на полуострове и пролив, не давая возможности подвозить подкрепления высадившимся в Крыму десантникам.

Наконец катер в море. Он до отказа забит ранеными. Под брезентом — убитые, умершие от ран. И снова Ира почувствовала себя неловко: ведь только они вдвоем тут здоровые.

Один из раненых слабым голосом обратился к Ире:

— Девчата… из полка… Бершанской?

— Да.

— А… что?.. — Он чуть повел глазами в сторону Крыма. Ему трудно было говорить.

Ира догадалась.

— Да вот пришлось сесть там, в Крыму. Подби-

ли нас. Теперь возвращаемся в полк.

— А-а-а… Пономарёву… Любу знаете?.. Механиком она…

— Любу? Конечно, знаем! А кем она вам приходится?

— Сестренка… родная… Привет… скажите: видели…

Он задергал верхней губой, хотел улыбнуться. Губы у него были сухие, запекшиеся.

— Она к вам обязательно приедет. Куда вас положат, в госпиталь? Тут есть близко, в Фонталовской.

— Да… в живот… Не успею я…

Он устало закрыл глаза. Одними губами попросил:

— Пить…

Но воды не оказалось. Раненых было много. Они сидели, лежали, тихо стонали. Два санитара, измотавшись при погрузке, дремали, изредка поглядывая в сторону Крыма. Капитан тоже посматривал на небо, ожидая налета.

Большой участок пролива был заминирован, и катер плыл не напрямик, а по кривой. До причала оставалось уже несколько десятков метров, когда послышался нарастающий гул бомбардировщиков. Через минуту весь пролив покрылся

водяными столбами. Бомбы рвались и на берегу.

Под грохот взрывов катер причалил, и все, кто в состоянии был двигаться, бежали, шли и даже ползли на берег, укрываясь в воронках. Только тяжелораненые остались на катере… Остался и Любин брат.

Ира и Нина пересидели бомбежку в глубокой яме. Бомбы рвались совсем близко, оглушая свистом и грохотом. Осколки и песок сыпались сверху в яму. Когда самолеты улетели, они выбрались, отряхиваясь, наверх и сразу увидели, что на том месте, где еще недавно покачивался на воде катер, было пусто, только обломки плавали да какие-то непонятные предметы. На берегу кто-то истерически кричал и лез в воду…

Спустя час девушки ехали в полк на попутной машине. Ира никак не могла забыть Любиного брата, его усталого, серого лица и тихо покачивающиеся на море обломки… Как сказать Любе? Эта мысль не выходила из головы.

Она рассказала ей сразу же. Люба не заплакала, только ушла к морю и долго сидела там одна на берегу.

А вечером Ира снова полетела на задание. На резервном самолете. И Люба провожала ее в полет.

Цель – Багерово

Багерово — небольшая железнодорожная станция к западу от Керчи. Сюда приходили немецкие эшелоны. Они подвозили к фронту оружие, снаряды, подкрепления.

Мы уже не раз летали на эту цель и знали, что бомбить ее непросто. Стоило только нашему По-2 приблизиться к станции, как сразу же включались прожекторы и зловещие длинные лучи устремлялись навстречу самолету. С высот, окружавших станцию, били зенитки.

В прошлый раз погода была отличная: чистое, звездное небо, ни облачка. В такую погоду можно подойти к цели неслышно: лезь себе вверх, сколько понравится, а потом планируй, приглушив мотор, и, осветив цель, бросай бомбы. Ну а там уж как повезет. Во всяком случае, штурман успевает прицелиться и отбомбиться до того, как прожекторы схватят самолет.

А сегодня… Нет, неподходящая погода, чтобы бомбить Багерово!

Усаживаясь в кабине, мой штурман Нина Реуцкая сказала хриплым, простуженным голосом:

— Наташа, смотри, какая луна! Мы отлично увидим все на земле!

— И нас тоже с земли отлично увидят, — добавила я. — Видишь, как низко нависла облачность?

Нина — совсем молодой штурман. У нее пока еще не хватает опыта, чтобы распознать опасность там, где ее не ждешь. Да и вообще все на свете представляется ей в розовых тонах, так что мне часто приходится разочаровывать ее.

На мгновение задумавшись после моих слов, она осторожно спросила:

— Ты думаешь, что и над целью такая же погода?

— Угу.

Тонкие облака, освещенные луной, сливались вместе, образуя светлую пелену. Заволакивая все небо, она медленно плыла на высоте не более шестисот метров.

— Значит, придется бомбить ниже облаков? — допытывалась Ниночка.

— Ничего другого не остается!

Бомбить с малой высоты на фоне светлых облаков означало, что с земли самолет будет виден, как на экране. Нина, конечно, понимала это не хуже меня. Она еще раз изучающим взглядом скользнула по небу и потом некоторое время

сидела молча.

Однако мрачные мысли редко приходили в голову моему штурману. А если и приходили, то очень ненадолго. Уже спустя минуту она как ни в чем не бывало мурлыкала себе под нос веселую песенку, забыв о луне, облаках и зенитках.

Скорее всего, она была права: зачем волноваться раньше времени?

Нина пришла к нам в полк в сорок третьем, когда мы воевали уже полтора года. До этого она работала связисткой, тоже на фронте. Ей не было еще и девятнадцати, хотя ростом, она, пожалуй, перегнала всех наших девушек. Очень юная и очень непосредственная, с добродушно-доверчивым выражением светлых глаз и ямочками на щеках, она вызывала к себе чувство умиления, какое обычно испытывают к детям.

Она никогда не унывала, не сердилась. Ни трудностей, ни страха она не испытывала.

Первое время мне казалось, что Нина просто не понимает, что на свете существует зло, опасность, несчастье. Потом, когда я узнала ее лучше и привыкла к ней, я поняла, что у нее просто счастливый характер: любая сложная задача казалась ей легкой, за всякое дело она бралась с охотой и радостью.

Штурманом Нина стала уже в полку, занимаясь вместе с другими девушками в специальной группе. Летала она с удовольствием и почему-то очень верила в меня, в мои летные способности. Сама я далеко не так была уверена в своих силах, хотя, впрочем, не разубеждала своего штурмана.

Дождавшись своей очереди взлетать, я запустила мотор, и через каких-нибудь три-четыре минуты мы взяли курс в сторону Керченского пролива.

Вскоре впереди заблестело море, затем показались темные очертания берега. За проливом начинался Керченский полуостров.

Линию фронта мы пересекли, набрав предварительно «солидную» высоту, метров восемьсот, чтобы лететь выше облаков.

— Запас высоты не помешает, — сказала я Нине, — а спуститься ниже мы всегда успеем.

Отсюда, «свысока», мы посмеивались над немецкими прожектористами. Ползающие по облачности светлые пятна говорили о том, что они пробовали достать наш самолет.

Но вот настало время спуститься ниже. Я спланировала до пятисот метров, и мы очутились под нижней кромкой облаков. Перед нами как на ладони лежала станция. Поблескивая под лу-

ной, плавно изгибалась линия железной дороги. Светлели здания, от которых расходились ленты проселочных дорог.

До цели оставалось лететь две минуты. Чтобы сохранить высоту, я плавно увеличила газ. Самолет летел, разрезая носом рыхлые сырые клочья, то входя в облака, то выныривая из них.

Мы летели низко. Наш По-2 выделялся на фоне освещенных луной облаков, и у меня было такое ощущение, будто я иду по улице без платья. Мне снился когда-то такой сон. Просто забыла надеть платье. Все смотрят, а спрятаться некуда.

Вероятно, Нина чувствовала то же самое, потому что она сказала:

— Давай пройдем еще чуть-чуть в облаках…

А станция все ближе. Сейчас нас обнаружат. Впрочем, там, внизу, уже, конечно, слышат самолет. Только выжидают. Это самый неприятный момент, когда ты знаешь, что наверняка будут стрелять, но пока еще не стреляют, молчат. И ты ждешь: вот сейчас… еще секунда… нет, две… Ну, что же они медлят?!

Вокруг все тихо. Так тихо, что даже привычный звук мотора куда-то исчезает. Но уже в следующее мгновение все может измениться.

В такие моменты у меня в желудке появляется

ощущение холода. Как будто я проглотила лягушку, и она там шевелится, скользкая и холодная. Я знаю, что лягушка — это страх. Обыкновенный противный страх перед тем, что сейчас начнется. И злюсь сама на себя, потому что все равно я пройду через все то, что меня ждет.

Как всегда, прожекторы включились внезапно, хотя к этому я приготовилась заранее. Они схватили наш самолет сразу, им не пришлось даже искать его.

Нина бросила осветительную бомбу. Еще одну. Они повисли в воздухе, и стало очень светло. Мы отчетливо увидели эшелоны на путях. Не обращая внимания на прожекторы, Нина занялась прицеливанием. Я выдерживала боевой курс, стараясь не смотреть по сторонам и на землю, где ослепительно горели зеркала прожекторов.

Наш По-2 — в перекрестье лучей, а мне нельзя даже немного свернуть с курса. Иначе — промахнешься. И я вдруг почти физически ощутила, как кто-то цепкими пальцами медленно сдавливает мне горло. А сопротивляться нельзя…

Рявкнула первая зенитка. За ней — еще одна. И еще. Разрывы ложились где-то выше. Но зенитчики быстро исправили ошибку. Яркие вспышки приблизились к самолету. Снаряд разорвался

прямо впереди, и мне инстинктивно захотелось свернуть, бороться, вырываться из лучей!.. Как трудно удержаться! Секунды… секунды… Иногда они кажутся часами.

Наконец цель под нами. Самолет качнуло. Это оторвались бомбы.

— Готово, — сообщила Нина и, как всегда, наполовину высунулась из кабины, глядя на землю. Каждый раз я боялась, как бы она не выпала оттуда вслед за бомбами.

Заложив глубокий крен, я увидела взрывы на станции. Вспыхнуло пламя.

— Попали! — закричала Нина хриплым голосом.

Но я не успела рассмотреть, что именно горело: мне было не до цели. Рядом с самолетом раскатисто, с сухим треском рвались снаряды. Сразу со всех сторон. Пахло порохом, гарью.

Мысли вертелись вокруг одной, главной: быст-

рее уйти, выйти из-под обстрела… Бросая самолет из стороны в сторону, я стремилась избежать прямого попадания снаряда, угадывая, где разорвется следующий. Изо всех сил выжимала скорость. Ветер свистел в ушах, дрожал самолет, но мне казалось, что он висит на месте.

Сначала Нина срывающимся голосом пробовала подсказывать мне, как маневрировать. Потом замолчала — бесполезно.

Мы уходили на север, в море. Сюда было ближе, чем до линии фронта, да и ветер не был встречным.

От каждого залпа зениток самолет вздрагивал. Хотелось сжаться в комок, спрятаться поглубже в кабину. Я невольно пригибала голову…

А сзади сидела Нина и молчала. Мне некогда было сказать ей даже слово.

И вдруг мне показалось, что она молчит потому, что с ней что-то случилось. Испуганно я заорала в переговорную трубку:

— Нина! Нина!

— Что такое? Наташа, что с тобой? — встревоженно спросила она сиплым шепотом.

— Ничего, ничего, — ответила я, сообразив наконец, что она, видимо, сорвала голос. Поэтому ее и не слышно.

Самолет быстро снижался: маневрировать можно было только за счет потери высоты. Прибор показывал 400 метров, потом 300… 200…

Впереди совсем близко отливало сталью море.

Мы медленно приближались к нему. Прожекторы не выпускали нас, пока мы не оказались низко над водой. Уже перестали стрелять зенитки, уже замелькали под крылом белые барашки волн, а лучи все продолжали держать наш самолет, опускаясь вместе с ним все ниже, ниже. Они почти легли на землю, освещая холмы, редкие деревья на берегу. Вероятно, немцы ждали, что мы упадем в воду.

Когда наконец лучи погасли и до нас с Ниной дошло, что «наша взяла», я спросила ее:

— Ну, как самочувствие?

— Нормально, — прохрипела она. — Посмотри на плоскости!

Я увидела две большие дыры в нижнем крыле. Насквозь просвечивало верхнее. Лонжерон был перебит. Словно флаги, болтались куски перкали.

— Ничего, долетим, — сказала я преувеличенно бодрым голосом, а сама еще раз подвигала рулями. Нет, управление не перебито, все в порядке.

Я подвернула самолет ближе к берегу, и вскоре под нами стала проплывать крымская земля, пересеченная оврагами, изрытая траншеями. Где-то здесь проходила линия фронта.

Внезапно я почувствовала слабость во всем

теле, ноги мои затряслись, запрыгали, стуча о пол кабины. Я сняла их с педалей, попробовала прижать колени руками. Потом вытянула, расслабила — ничего не помогало. Ноги продолжали танцевать и совершенно не слушались меня.

Я приуныла. Все страхи остались позади, мы летим домой. Что же это со мной? Мне было не по себе. Однако Нине я ничего не сказала.

В это время раздался ее сиплый голос:

— Наташа, давай покричим.

«Покричим» значило, что мы должны убрать газ и на малой высоте поприветствовать наземные войска (крикнуть «Привет, пехота!» или что-нибудь в этом роде). Многие верили, что пехота их хорошо слышит, и честно «кричали», снижаясь над передовой. И мы с Ниночкой при удобном случае проделывали то же самое.

Но в этот раз мне совсем не хотелось «кричать». Да и не было желания выяснять, шутит Нина или нет. И я сердито ответила ей, что кричи, мол, сама: твой голос услышат лучше.

Как бы там ни было, а ее предложение вывело меня из угнетенного состояния. Ноги мои постепенно успокоились.

Над проливом облаков уже не было. На море сверкала лунная дорожка. До самого аэродрома

мы летели в ясном небе. Тихо и мирно светили звезды.

Еще издали я увидела стартовые огни. Несколько неярких огоньков на земле. Там нас ждали. Там был наш дом.

Ларионовна

Полетов нет. Дует норд-ост, штормит Азовское море. Ночью слышны глухие удары волн, разбивающихся о берег. Завывает ветер, будто пес скулит во дворе.

В небольшом домике, где размещается наша эскадрилья, тепло. Хозяйка с вечера натопила печь.

Вздыхают во сне девушки. Тоненько попискивают мыши. Осмелев ночью, они лазят по нарам, по одеялам. Мне не спится. Рядом окошко. Я смотрю, как мчатся по небу серебряно-черные тучи. Луна то прячется за ними, то выплывает, яркая, словно новенькая блестящая монета.

И вспомнился кусочек раннего детства. Мне три года. Вечер. Я стою на диване, а мама надевает на меня платьице, натягивает чулки. За окном — круглая луна. Такая же, как сегодня. Я смотрю на нее сонными глазами. Мне хочется спать. Но мы собираемся куда-то ехать. Кажется, в другой город. И спать нельзя…

…Стук в дверь. Вбегает дежурный.

— Тревога! Подъем! Штормовой ветер — все на

аэродром!

Наша хозяйка, Ларионовна, уже встала, будит нас:

— Вставайте, вставайте, девочки, по тревоге вызывают!

Мы вскакиваем, зажигаем свечки, коптилки. Суматоха. Кто-то хватает чужой комбинезон, путает сапоги. Слышен чей-то истошный крик: из рукава комбинезона выпрыгнул мышонок.

Ларионовна смотрит, как мы толчемся в небольшой комнатушке, мешая друг другу, и подсмеивается над нами:

— Вера, Вера, да ты же брюки надела задом наперед!

— А, Ларионовна, какая разница?

Потом она исчезает и, когда мы уже выходим, одетые, на улицу, сует нам в карман лепешки:

— Там проголодаетесь, берите, берите…

К самолетам идем пешком по густой грязи. Машиной не проехать — увязнет. До утра дежурим на аэродроме. Шквальный ветер раскачивает самолеты. Наши бедные По-2 дрожат и напрягают свои деревянные мускулы, а мы стараемся удержать их на месте.

Утром ветер немного стихает, и мы бредем через аэродром обратно. От налипшей грязи ноги

кажутся пудовыми.

Тащимся молча. Только Вера Белик не в настроении. Всегда спокойная, уравновешенная, она сегодня ворчит, ругает погоду и все на свете. Ругает шутя, для облегчения души. А войдя в дом, вдруг валится на нары и громко плачет:

— А-а-а…

Странно смотреть на нее: по лицу катятся слезы, а сама она смеется. Над собой. И мы понимаем — просто она устала. Устала от бессонных ночей, от напряженных полетов с вечера до утра, устала от зениток, от ветра, от густой грязи. Это пройдет, нужно только хорошенько выспаться.

Прибегает шестилетний Витька, сын Ларионовны. Раскрыв рот, удивленно смотрит на Веру:

— Тетя Вера, почему ты плачешь?

Она смотрит на него сквозь слезы:

— Я не плачу, я смеюсь…

— Нет, ты плачешь! Тебя ранили?

Ларионовна забирает Витьку, но он капризничает, сопротивляется:

— Нет, она плачет!

Мать шлепает его и отправляет в чулан:

— Им отдыхать надо, не мешай!

Пересыпь — небольшой рыбачий поселок на берегу Азовского моря. Через него идет дорога от

Темрюка к Керченскому проливу.

Мы прилетели в Пересыпь осенью, когда наши войска, освободив Таманский полуостров, вышли к морю. В поселке всего две улицы. На окраине — пустырь, кое-где пересеченный неглубокими балками. Здесь, на обрывистом берегу, стояли наши самолеты. Отсюда мы летали бомбить Крым.

Зимой Пересыпь выглядела уныло. Земля только изредка и ненадолго покрывалась снегом. Глухо шумело море, холодное, неприветливое. Мчались на запад низкие рваные облака, над пенистыми гребнями волн с криком носились чайки. Мы спускались с крутого берега вниз, на узкую песчаную полоску у самой воды. Иногда море выбрасывало на берег трупы людей. Кто были эти люди, никто не знал. Мы засыпали их песком и обкладывали камнями.

Полгода, которые мы провели в Пересыпи, запомнились сложными и тяжелыми полетами на Керченский полуостров, непролазной грязью на аэродроме, низкой облачностью и штормовыми ветрами.

Наша эскадрилья занимала крайний домик в поселке. Хозяйка с готовностью освободила для нас все три комнатки и кухню, перейдя с семьей жить в тесный чулан.

На вид ей было лет под шестьдесят. Маленькая, сухонькая, с глубокими морщинами на худом лице и потрескавшимися руками рыбачки, она удивляла своей неутомимостью. Звали ее Домна Илларионовна, но все попросту обращались к ней «Ларионовна».

Жила она вместе с двумя дочерьми и двумя сыновьями. Муж ее и самый старший сын погибли на фронте еще в начале войны. Дочери, взрослые девушки, были примерно нашего возраста — не старше двадцати — двадцати трех лет. Сын Андрей, двенадцатилетний мальчик, не по годам серьезный, остался калекой — снарядом ему оторвало ногу выше колена.

Больно было смотреть на мальчика, который, согнувшись, прыгал на грубом самодельном костыле и даже пытался бегать вместе с товарищами. Казалось, он совсем свыкся с тем, что у него нет ноги. Когда он уставал, не успевая за другими мальчишками, то не огорчался, а просто садился на землю, подложив под себя костыль. Отдохнув, вставал и ковылял за ними.

Вместе со своим младшим братишкой Витькой Андрюша всюду ходил за нами. Каждый вечер он шел на аэродром и, опершись на костыль, молча наблюдал, как взлетают и садятся самолеты.

Маленький Витька с черными, как у матери, глазами был нашим любимцем. Мальчишка так привязался к нам, что считал себя полноправным членом полка, и когда, случалось, мы уделяли ему недостаточно внимания, он обижался, надув губы. Он никогда не уставал рассматривать наши ордена, с удовольствием надевал летный шлем и примерял сапоги.

— Вырастет — будет летчиком! — смеялась Ларионовна.

— И буду! — гордо отвечал Витька. — Только я выше всех, выше неба буду летать!

Ларионовна целыми днями была занята работой. Она все успевала, все умела. Дочери ей не помогали. Обе они, крепкие, здоровые девушки, до позднего вечера рыбачили в артели, выполняя тяжелую мужскую работу. Домой приходили усталые, злые, часто грубили матери.

Ларионовна никогда не сердилась на них, не ругала: она как будто не замечала их грубости, шутила с ними. Только иногда по лицу ее пробегала тень…

Мы постоянно чувствовали ее заботу. Она любила угощать нас вкусной свежей рыбой, которую специально для нас жарила, стирала наши вещи, когда мы спали днем после ночных полетов. Каж-

дый вечер провожала нас на аэродром, а утром с тревогой в глазах встречала, всматриваясь в наши лица и стараясь угадать, все ли хорошо.

Когда погибла Женя Руднева, Ларионовна весь день тихо плакала где-то у себя в уголке. Теперь она стала неслышно выходить из дому ночью. Накинув платок на плечи, подолгу стояла за воротами, прислушиваясь к гулу моторов. Мягкое рокотание заходящего на посадку самолета успокаивало ее, и она шла спать в свой чулан.

Случилось так, что Ларионовна тяжело заболела воспалением легких. Вернувшись с полетов, мы увидели, что ей совсем плохо. Бледная, похудевшая женщина лежала, безучастная ко всему.

— Девочки, да ведь она умрет, — сказала в ужасе Таня Макарова.

Побежали за полковым врачом. Но состояние Ларионовны было настолько тяжелым, что врач ничем не смогла помочь. Тогда Таня предложила:

— Я слетаю в Фонталовскую. Там хороший госпиталь, попрошу, чтобы помогли.

Через полтора часа самолет привез врача и новые лекарства. Ларионовну спасли.

Она снова хлопотала, маленькая, быстрая. Как-то раз девушки спросили ее, сколько ей лет.

Ларионовна смутилась, замялась и сразу перевела разговор на другую тему. Потом замолчала, улыбнулась через силу краешком рта и сказала:

— Мне, девочки, сорок три года. Что, не похоже? — Она грустными глазами, еще совсем молодыми, скользнула по нашим лицам и тихо продолжала, словно извиняясь: — Жизнь моя нелегкая. А тут еще война. Видите: и зубов почти не осталось — фашист прикладом угостил…

Она невесело засмеялась беззубым ртом.

Никогда раньше Ларионовна не рассказывала о себе. И от этих нескольких скупых слов, неохотно сказанных еще совсем не старой женщиной, нам стало не по себе. Мы были подавлены и чувствовали себя так, словно были в чем-то виноваты перед ней.

Потом от ее дочки мы узнали, что при немцах Ларионовна прятала на чердаке раненого моряка, который однажды ночью постучался к ним в дом. Она вы́ходила его. Как-то раз, когда он сидел на чердаке, немцы обыскивали все дома в поселке, и Ларионовна будто случайно подставила немцу сломанную лестницу, когда тот полез наверх. За это она поплатилась зубами, однако второй раз подниматься по лестнице немец не решился.

…В апреле мы покидали Пересыпь. Наши войска вели большое наступление, освобождая Крым. Полк готовился к перелету на новое место.

Стрелой носился по комнатам маленький Витька. Андрюша молча смотрел, как мы укладываем вещи в рюкзаки, убираем в комнатах. Ларионовна тихо наблюдала за нашими сборами, — все занялись своими делами и, казалось, совсем забыли о ней. Но когда стали прощаться, она сразу встрепенулась, засуетилась, стараясь сдержать слезы, набегавшие на глаза.

Девушки окружили ее:

— Как же мы будем без вас, Ларионовна?

— А ничего, ничего… После войны увидимся, — говорила она бодрым голосом, а слезы медленно текли по морщинкам лица, капали на ее сухие, натруженные руки.

Она вдруг вспомнила что-то, побежала в чулан. Потом торопливо стала засовывать к нам в рюкзаки сушеную рыбу.

Подъехал грузовик. Мы уселись в нем и в последний раз, прощаясь с Ларионовной, махнули ей рукой. Свежий весенний ветер дул в лицо. Вдали искрилось море. Прощай, Пересыпь! Впереди нас ждут новые дороги.

Один за другим взлетали наши По-2 и, сделав круг над хутором, брали курс на запад. А у калитки крайнего в поселке домика стояла женщина в темном платке, и сверху видно было, как, запрокинув голову, она провожает взглядом каждый самолет…

Пылает вражеский самолет

Третью неделю у меня кружится голова. Вероятно, от переутомления. На земле это не страшно. А в воздухе приходится постоянно держать себя в напряжении. Только ослабишь напряжение — как звезды моментально начинают вращаться вокруг самолета и кажется, будто это сам самолет разворачивается.

Иногда я засыпаю в полете. Это случается, конечно, в спокойной обстановке. Засыпаю на несколько секунд, и в течение этих коротких секунд мне снятся длинные сны… Просыпаюсь всегда от шума мотора: вдруг начинаю его слышать, вздрагиваю и, открыв глаза, озираюсь, пытаясь как можно быстрее сообразить, что к чему и где я…

Полковой врач Оля Жуковская выдает нам специальный шоколад «Кола», чтобы мы бодрствовали всю ночь. Мы съедаем его пачками, однако спать все равно хочется.

Но сегодня не поспишь: в Севастополе работает около тридцати прожекторов…

Густая, черная ночь нависла над Крымом. Мой

самолет медленно летит во тьме, забираясь все выше, выше. Время от времени далеко впереди зажигаются прожектора. Там — Севастополь. Ползают по небу светлые лучи, а между ними вспыхивают искорки. Это бьют зенитки.

Наконец лучи перестают качаться, скрестившись в одной точке.

— Кто-то из наших попался, — замечает Нина сдержанно и надолго замолкает. Возможно, она думает о том, что и нас ждет та же участь: отступая, враг сосредоточил на небольшом участке, в районе Севастополя, массу прожекторов и зениток.

Наша цель — действующий аэродром под Севастополем. Он работает днем и ночью. Немецкие самолеты совершают рейсы в Румынию и обратно.

К цели подходим на высоте двух тысяч метров. В первом полете нас держали прожектора. Их было много, Нина насчитала больше двадцати. Мы это учли.

Я заранее убираю газ. Снижаемся. Видим: на аэродроме включены посадочные знаки, рулят самолеты с зажженными навигационными огнями. У нас разгорелись глаза: сейчас мы их накроем! Только бы нас не обнаружили раньше

времени.

Меня охватывает азарт.

— Целься получше, Нина! Такой случай еще не скоро подвернется!

Тихо. Кругом непроглядная тьма, а внизу огни самолетов и посадочное «Т» из электролампочек. Такое ровненькое, аккуратненькое «Т». Видимо, там ожидают самолет. Из Румынии.

Мы продолжаем планировать. Посадочные знаки становятся все крупнее, ярче. Я забываю обо всем на свете. Ничего в мире мне сейчас не нужно; единственное мое желание — разбомбить вражеский самолет.

Нина вертится в кабине, нервничает. Но вот она замирает на некоторое время, прицеливается. Я чувствую, как самолет качнуло: оторвались бомбы. Грохот. Взрыв с пламенем. И сразу ослепительный свет: включились прожектора. Шаря по небу, они ловят нас где-то гораздо выше. И там же, высоко, вспышки и треск зенитных разрывов. А мы низко…

Проносится мысль: сейчас дам газ, нас услышат и сразу схватят! Тогда не выбраться. Стрелка высотомера приближается к тремстам метрам. Мы слишком увлеклись, забыв о высоте. Земля совсем близко! Внизу я вижу шоссе, идущее к

аэродрому, вдоль него — деревья…

От множества прожекторов на земле светло.

Больше снижаться нельзя, и я даю полный газ: вот теперь нам достанется! Но внезапно, к моему удивлению, наступает полная тишина. Молчат зенитки, погасли прожектора. Только на земле пылает самолет.

Совершенно свободно мы уходим в сторону моря. Что же случилось? Оставалось только гадать: то ли немцы приняли наш самолет за свой, когда услышали шум мотора так низко над головой, то ли в самом деле прилетел из Румынии их самолет и они боялись сбить его. Что ж, в любом случае нам повезло.

Можно и в нелетную погоду

В нескольких километрах от аэродрома работал приводной прожектор. Каждые пять минут он включался, вращал свой луч, делая два полных оборота, и затем направлял его строго на запад. Когда пучок света разреза́л темноту, на аэродроме становилось совсем светло. Луч не уходил ввысь, а упирался в облака. Он был до смешного коротким, этот белый луч. Беспомощно ползая по нижней кромке облаков, он старался найти хоть какую-нибудь щелку. Но щелки не было.

В тот момент, когда луч замер, указывая на запад, послышался рокот мотора, и в свете прожектора мы увидели самолет. Он неторопливо летел к аэродрому.

Это вернулась командир эскадрильи Дина Никулина, которая вылетала на разведку погоды.

Мы сидели на аэродроме в полной боевой готовности. Правда, никто не думал, что придется летать. Погода была явно нелетная, и другие полки в дивизии не работали. Об этом сообщили телефонограммой из штаба. Да и присутствующий на старте представитель из Сталинградской

дивизии, новой дивизии, куда недавно вошел наш полк, подтвердил это.

Вскоре Дина стремительной, размашистой походкой подошла к командиру полка.

— Товарищ командир, погода неважная: сильная дымка, сплошная облачность. Высота нижней кромки — триста — триста пятьдесят метров. Но вертикальная видимость достаточно хорошая. Летать можно.

— Можно? — с недоверием в голосе переспросила Бершанская.

Она и сама прекрасно видела, что творится вокруг. В такую погоду могли бы летать только самые опытные летчики, да и то оставалась опасность, что самолет может оказаться поврежденным осколками своих же бомб. И если пять полков в дивизии не летали, то зачем было ей рисковать своими летчиками?

Но Дина ответила:

— Вполне можно летать. Ориентиры просматриваются.

Командир полка и представитель из дивизии переглянулись.

Бершанская знала, что Дина будет докладывать именно так. Потому что не в ее характере было пасовать перед трудностями. Такая уж она, Дина

Никулина, командир эскадрильи. Чем сложнее, чем опаснее обстановка, тем сильнее в ней желание бороться и победить. Год назад на Кубани она совершила почти невозможное. Вряд ли кто-нибудь другой смог бы выйти из того безнадежного положения, в котором она оказалась. Внизу — враг, мотор не работает, самолет горит… Из пробитого бака хлещет бензин, заливая глубокую рану в ноге. Штурман Леля Радчикова, тяжело раненная, без сознания. Но Дина не растерялась ни на секунду. Она сумела отчаянным скольжением сбить пламя, дотянуть до линии фронта и в темноте посадить машину у самой обочины дороги, чтобы их быстрее нашли…

Теперь она стояла перед Бершанской и утверждала, что в нелетную погоду летать можно.

— Конечно, трудно, но можно, — сказала она, переводя взгляд с командира полка на представителя дивизии, а потом снова на Бершанскую.

— Видите ли, товарищ майор, — обратилась Бершанская к Дине подчеркнуто официально, — в мужских полках разведчики погоды доложили, что погода нелетная…

Она выдержала паузу и добавила:

— …и что летать нельзя.

Дина почувствовала, что Бершанская не ре-

шается сделать окончательный вывод. Действительно, из шести полков только в женском полку разведчик погоды докладывает, что лететь на задание можно.

— Я дошла до самой цели. Там высота облачности такая же, как и здесь, — настаивала Дина.

Она не хотела отступать. Как раз в это время включился приводной прожектор, и все невольно повернулись, глядя на луч, уткнувшийся в толщу облаков.

— Да-а-а… — неопределенно протянул представитель из дивизии, высокий, сутуловатый полковник.

Очевидно, этим неопределенным «да-а-а» он не только выражал свое удивление, но главным образом хотел дать понять, что он не желает ни во что вмешиваться и тем более — ни за что отвечать.

— Ну что ж, — сказала Бершанская, видимо приняв наконец решение, — будем работать. Я сообщу выше.

Последние слова она произнесла скорее для представителя из дивизии. Пусть он не чувствует себя хоть сколько-нибудь ответственным за ее действия.

— Командиры эскадрилий, выделите для поле-

тов наиболее опытные экипажи.

Дина, застегивая на ходу шлем, называла фамилии летчиков своей эскадрильи, которые должны были лететь на задание.

Спустя минуту она уже выруливала для взлета. За ней, с интервалом в две минуты, стали взлетать остальные.

В воздухе было черным-черно. Лететь приходилось вслепую, ничего не видя впереди. К счастью, мы хорошо знали район Севастополя, и даже редкие ориентиры, которые просматривались вертикально, очень нам помогали.

Мы бомбили огневые позиции на подступах к Севастополю. На земле шла интенсивная перестрелка. Часто наши войска, заслышав рокот По-2, начинали стрелять по вражеским огневым точкам, указывая нам цели. Бомбы рвались на земле с оглушительным грохотом, и самолет подбрасывало взрывной волной.

Погода и в самом деле была не подходящая для полетов. Высота облачности — меньше минимальной, при которой разрешалось бомбить, если считаться с инструкциями. И при других обстоятельствах Дина, вероятно, не решилась бы так смело заявить о том, что летать можно. Но то при других…

А в условиях, когда наш полк перешел в состав Четвертого Украинского фронта, вошел в новую воздушную армию и в новую дивизию, в этих условиях нельзя было не летать. К нам снова присматривались, иногда поглядывали с недоверием.

Встречаясь с нами, летчики мужских полков, входивших в дивизию, хвастались тем, что сражались под Сталинградом: «Мы сталинградцы…», «Когда мы бомбили фашистов в городе…», «Высота? Да мы — бреющим…»

Однако после этой нелетной ночи летчики-мужчины попритихли. Встречая нас, они уже не задирали нос. И говорили другое: «Конечно, у вас же опыт какой! Вам приходилось летать и в горах, и в туманы, и над морем…»

Угнали в Германию

Просторное село раскинулось на правом, высоком, берегу Днепра. Хатки-мазанки, стройные тополя, колодцы с журавлями.

Отсюда, с крутого холма, далеко виден Днепр. Видно, как изгибается русло реки, как, сделав большую излучину, скрывается за возвышением. А по ту сторону, где берег пологий, тянутся бескрайние поля, светлеют хатками села. Простор, какой бывает только в украинских степях!

В этом селе у нас остановка. Полк перелетает из Крыма в Белоруссию, на другой фронт.

В хате, где мы с Ирой остановились, очень чисто и очень тихо. Кроме хозяйки, молчаливой женщины средних лет, — никого. Мерно тикают ходики над столом. Со стены смотрит лихой парень с усами. Рядом — еще фотография: тот же усач и гладко причесанная девушка, очень похожая на хозяйку. Это, конечно, она. Тогда ей было, наверное, лет двадцать. Между этими фотографиями, чуть пониже, третья. На ней та же девушка, только лицо покруглей, да брови над веселыми глазами поразмашистей. В уголках

полных губ — еле заметная улыбка. Она? Или дочка, может быть?

Хозяйка неслышно ходит по дому, печально смотрит из-под платка, низко надвинутого на лоб. На худом лице — большие испуганные глаза. Скупо, в нескольких словах рассказывает о себе. Мужа убили на войне. Восемнадцатилетнюю дочку угнали в Германию.

Угнали… Раньше о людях так не говорили. Она произносит это слово привычно просто, как будто только оно и годится.

Молча она достает из комода несколько почтовых открыток. Протягивает нам. Из далекой неметчины, от дочки Нади. А дочка пишет, что с утра до ночи батрачит на ферме под Лейпцигом, что сердце разрывается от тоски по дому, по родному краю. Каждая открытка начинается словами: «Мамо моя ріднесенька!»…

Я невольно поднимаю голову и снова смотрю на фотографию девушки с темными бровями-крыльями. Только теперь мне кажется, что улыбки на ее губах уже нет и в глазах — слезы. И я вдруг живо представляю себе, как она, упав на солому, плачет там, одна, в неволе, вспоминая мать, и эту хату, и Днепр…

Пока мы читаем, женщина выходит из комна-

ты. Потом возвращается с заплаканными глазами и прячет открытки в комод, бережно завернув их в белый платочек. Садится с нами. Некоторое время мы молчим. Ира и я сидим подавленные, не зная, где найти такие слова, которые могли бы утешить бедную женщину. Нет таких слов. И все же Ира говорит глуховатым, каким-то чужим голосом:

— Еще немножко потерпите. Скоро войне конец. И тогда дочка вернется, все будет хорошо…

Почему-то нам неловко, словно и мы виноваты в том, что фашисты угнали Надю. В комнате невыносимо громко тикают ходики. Я смотрю в окно. Там течет серебристый Днепр, над ним — белесое небо. В конце улицы медленно поворачивается журавль. По тропинке идет девушка в белом платочке, с ведрами на коромысле.

А Надя — под Лейпцигом…

— Все будет хорошо, — повторяет Ира.

Женщина кивает, соглашаясь. Но глаз не поднимает. Смотрит вниз, на яркий василек, вышитый на скатерти. Задумчиво гладит пальцем синий цветок, тяжело вздыхает. И все же мы чувствуем, что на душе у нее стало легче. И она благодарна нам.

Глупые, глупые девчонки...

Небо постепенно бледнело. Тускнела луна, и острые зазубрины ее неровного, будто обломленного края постепенно сглаживались. Последние самолеты, устало рокоча, возвращались с боевого задания.

Выключив мотор, я еще немного посидела в кабине, откинув голову на спинку кресла и закрыв глаза. Вылезать не хотелось: для этого нужно было сделать усилие.

— Наташа, пойдем? — позвала Нина.

Она стояла у самолета и ждала меня. Раз, два... три! Я быстро поднялась с кресла — первое усилие сделано...

Мы направились к старту. Возле небольшого вагончика, который служил нам КП, собрались девушки. Сидели на траве, ждали возвращения последнего самолета.

Нина вошла в вагончик, а я осталась у двери. Поболтать. В раскрытую дверь я видела, как она показывала что-то на карте начальнику штаба Ракобольской. А начштаба смотрела то на карту, то на Нину и кивала, изо всех сил стараясь поши-

ре раскрыть слипавшиеся веки.

Девушки переговаривались, обмениваясь впечатлениями от полетов. Некоторые дремали. Самолет, на котором улетели Катя Олейник и Оля Яковлева, задерживался.

Худякова, круглолицая, румяная летчица, сегодня говорила много и громче всех. После трудных полетов она была возбуждена.

— Жигули, это ты во втором вылете бомбила вслед за мной?

— Угу, я.

Жека на мгновение приоткрыла глаза и снова закрыла. Она сидела, удобно поджав колени и опершись о чью-то спину.

— Ну, спасибо тебе. Прямо по пулемету ударила! Я уже думала, не выберусь живая!..

— Угу, — опять сказала Жека, продолжая дремать.

— Прожекторы сразу переключились на тебя, а я тут же улизнула.

Жека поежилась, сунула руки поглубже в рукава комбинезона и сидела так, свернувшись шариком, не открывая глаз. Будто хотела сказать: «Да, я ударила прямо по пулемету. И мой самолет схватили. Ну и что? А сейчас не мешайте: мне хочется спать...»

Из вагончика высунула голову начштаба:

— Не видно еще?

С тревогой в глазах она посмотрела на светлое небо, прислушалась. Потом перевела взгляд на сидящих, на спящую Жеку.

— Уже минут на двадцать задерживаются… Может, начнете разруливать по стоянкам?

— Нет-нет, подождем еще. Сейчас вернутся, — уверенно сказала Худякова.

Но Катя Олейник и Оля Яковлева все не возвращались.

Мы прозвали их Стара́ и Мала́. Потому что Катя, девушка с мягким украинским юмором, обращалась к подругам не иначе как: «А ну, Стара́, скажи…» или: «Как думаешь, Стара́…» Штурмана же своего Оленьку называла Мала́. Плотная, большеглазая Катя была всего на два года старше Оленьки, маленькой, изящной девушки с милой, застенчивой улыбкой.

Вдали на дороге показалась машина. Свернув, она помчалась прямо по полю, подпрыгивая и погромыхивая. Ехал Ваня, шофер из батальона обслуживания. Он водил машину с таким видом, как будто это был не обыкновенный грузовик, а шикарный лимузин. Резко затормозив, Ваня затем эффектно остановил машину и не спеша вышел с важным видом. Но сразу же щеки его порозовели, и он смущенно сказал:

— Доброе утро.

Ваня — совсем молодой паренек, на вид ему лет семнадцать. Он пошел на фронт добровольно, раньше срока. Вообще-то на машине работал другой шофер, но Ване уж очень нравилось приезжать на старт и везти летчиц домой после боевой работы. Удивительно хороши были у Вани глаза — темные, глубокие. Так и хотелось смотреть в них. И мы с удовольствием встречали паренька.

— Здравствуй, Ваня! — заулыбались девушки. — Как там завтрак, готов?

— Готов, — ответил он. — Что, не все вернулись?

Быстро пробежав глазами по нашим лицам, Ваня сразу заметил, что нет Оленьки. И он растерянно стал оглядываться вокруг, будто искал поддержки, но спрашивать не решался.

Уже взошло солнце и алым огнем пробивалось сквозь тучи, сгустившиеся у самого горизонта, когда наконец послышалось слабое стрекотание мотора. Летел По-2. Вскоре самолет зашел на посадку. Приземлился он как-то странно: плюхнулся на землю с работающим мотором. Когда самолет подрулил к остальным и остановился, мы увидели, что он весь изрешечен.

Потом уже мы узнали, что за ним гонялся вражеский истребитель. Он сделал несколько заходов, стреляя в По-2. С большим трудом на бреющем полете Кате удалось уйти от фашиста. А может быть, у того просто кончились боеприпасы. На самолете было перебито управление, но все же Катя привела его на свой аэродром. Буквально «на честном слове и на одном крыле».

Стара и Мала обе были ранены. В первый момент никто этого не заметил, а сами они по-

стеснялись сразу сказать, считая, что ранены легко.

Когда Ракобольская слушала краткий доклад Кати о выполнении задания, она вдруг, тихо ахнув, прижала руки к груди и воскликнула испуганно:

— Что с вами?

Стара стояла, опустив руки, как положено. По правой ее ладони текла кровь и капала на траву. Рукав комбинезона намок.

От неожиданности сама Катя тоже испугалась, побледнела и покачнулась. Вероятно, она тут же упала бы, если б Ракобольская не подхватила ее. Но Стара быстро овладела собой и стала успокаивать начштаба:

— Та ничего… Это пройдет. Страшного ничего нет.

Оленька, которая находилась рядом, чувствовала себя неловко, не зная, сказать ли о том, что и она ранена. У нее было задето пулей плечо, и она невольно поднесла руку к тому месту, где темнело пятно и комбинезон был прострелен.

— Где врач? Позовите врача, — уже спокойно приказала начштаба и, еще раз посмотрев на девушек, покачала головой, будто хотела сказать: «Глупые, глупые девчонки…»

Обе, Стара и Мала, стояли с виноватым видом, опустив головы.

Немцы сдаются

Они были всюду, немцы, которые затерялись в водовороте военных событий, отстали от своих полуразбитых и отступивших дивизий и полков. Группами и в одиночку они бродили по белорусским лесам и полям, прячась во ржи, в кустарнике.

Наши войска стремительно двигались вперед, отодвигая фронт все дальше на запад, и большинство бродячих немцев, утратив всякую надежду вернуться к своим и боясь умереть с голоду, шли сами сдаваться в плен.

Трудно было представить, что еще недавно эти жалкие люди, оборванные и тощие, считали себя завоевателями.

Крупные группировки фашистских войск, очутившись в окружении, в нашем тылу, еще на что-то надеялись, пытались прорваться к фронту. Они яростно сопротивлялись и не хотели сдаваться. Приходилось применять силу, чтобы заставить их сложить оружие.

Однажды произошел случай, о котором вскоре какой-то поэт написал стихи во фронтовую

газету.

...Летная площадка, которую в полку называли «аэродромом», оказалась по соседству с довольно большой группировкой противника.

Весь день шла перестрелка. Немцам удалось перерезать шоссейную дорогу в лесу, а наши пытались сбить их с этого рубежа. По группировке стреляла «катюша», выбрасывая длинные языки пламени.

Ночью полеты за линию фронта отменили. Часть экипажей получила задание пробомбить лес, где засели немцы. А утром полк перебазировался на новое место, ближе к фронту.

На прежней точке остался один самолет, который требовал основательного ремонта. Вместе с ним техник Оля Пилипенко и пятеро мужчин — работников полевых ремонтных мастерских.

Расположились они на опушке леса. Работа двигалась довольно медленно: не хватало инструментов.

Старшей по званию и должности была Оля: на погонах у нее светлели две небольшие звездочки. Она несла ответственность за всю группу и руководила ремонтом самолета.

Невысокая, с внимательными серыми глазами и строгим, но добрым выражением лица, она

вызывала к себе уважение. Авиационным техником Оля стала еще до войны и хорошо знала свое дело. Ремонтники выполняли ее распоряжения беспрекословно.

Говорила она негромким голосом, нараспев, с чуть заметным украинским акцентом. При этом слегка щурила глаза, словно хотела получше рассмотреть собеседника, и щеки ее розовели. Была она нетороплива и, прежде чем принимала какое-нибудь решение, тщательно его обдумывала.

Оля не только руководила ремонтом. Ей, как единственной женщине, приходилось и обед готовить на всех. Она добровольно взяла на себя эту обязанность: у нее получалось и быстрее, и вкуснее.

В лесу изредка постреливали. Группировка продолжала держаться. Иногда стрельба усиливалась, и Оля с тревогой прислушивалась, боясь встречи с немцами. Да и каждый знал: случись врагу прорваться в направлении самолета, вся команда окажется в незавидном положении.

Стоило только Оле обнаружить признаки беспокойства, рядом с ней оказывался Коля Сухов. Как будто невзначай он говорил:

— Наши раздолбают их. Уже скоро. Их крепко зажали…

Оля смотрела на него и кивала. Он был красив, этот совсем еще молодой паренек с худощавым горбоносым лицом и горячими карими глазами. Незаметно он наблюдал за девушкой, и она даже затылком чувствовала на себе его взгляд. Нахмурившись и крепко сжав губы, Оля неожиданно быстро поворачивалась, чтобы поймать взгляд, который жег ее. Но Коля всегда успевал отвести глаза.

Когда Коля Сухов говорил что-нибудь, пожилой усатый Панько считал своим долгом возражать ему. Услышав, что Коля говорит о вражеской группировке, он тоже вступил в разговор.

— Оно, конечно, так, — сворачивая цигарку, сказал Панько, — только наши все ушли вперед, а тут оставили… ну, взвод — не больше.

— Откуда вам знать — взвод или полк?

— А оттуда, что хватит и взвода. Чего ж напрасно людей задерживать в тылу? Немцы и сами…

— Что сами? Что? — начинал горячиться Коля.

— Сами понимают. Вот что. Ну и, того, деваться им некуда.

Так они спорили, доказывая друг другу, собственно говоря, одно и то же. Панько рассуждал медленно, уверенно, а Коля, как всегда, запальчиво, с вызовом.

— Ты, того, помолчи. Сопляк еще, — обычно заканчивал Панько.

Коля обиженно замолкал и отходил в сторону.

Два дня прошли спокойно. Каждый вечер Панько, поужинав и аккуратно вычистив хлебом свой котелок, обращался к Оле:

— Товарищ техник-лейтенант, ну как, будем пугать немчуру?

— Можно, Панько, — отвечала она серьезно, — чтоб сюда не забрели ночью.

Получив разрешение, Панько вставал и брал единственную винтовку. Другого оружия в команде не было. Разве что холодное — ножи, которыми пользовались при ремонте.

Сначала он зачем-то медленно и тщательно осматривал винтовку, как будто сомневался в ее надежности, потом с расстановкой делал несколько выстрелов в воздух и укладывался спать. И всем становилось спокойнее: если и бродят поблизости немцы, то, услышав стрельбу, вряд ли пойдут в сторону выстрелов.

На третий день работать начали очень рано. Спешили, чтобы к обеду кончить ремонт.

Коля находился рядом с Олей. Он насвистывал что-то грустное, время от времени поглядывая на девушку.

Будто случайно приблизился к ней и коснулся плечом ее руки. Оля почувствовала, как горячий ток пробежал по телу. Ей было приятно, и она не сразу отодвинулась от Коли. Когда он медленно повернул голову и посмотрел на девушку, брови ее были тесно сдвинуты, лицо пылало и губы дрожали. Она быстро отдернула руку и, волнуясь, сказала сердито, каким-то чужим голосом:

— Видишь, консоль погнута. Исправь!

А сама отошла от самолета, сорвала травинку и стала кусать ее, глядя в сторону.

В это время совсем близко прозвучала дробь пулемета. Все бросили работу и стояли, прислушиваясь. Коля подошел к Панько, который уже держал винтовку наготове. Потянул за ствол, попросил:

— Дай-ка мне. Схожу посмотрю, что там.

Панько, не выпуская винтовки из рук, хмыкнул, поправил зачем-то свои усы и сказал:

— Один? Нет, не дам. Нельзя.

Коля опустил руку.

— Все равно пойду!

Он взял два ножа, сунул их за голенище и выпрямился. Все взглянули на Олю. Нахмурившись, она напряженно думала. Немного поколебавшись, сказала:

— Ладно, сходи. Только шум не поднимай. Узнай, в чем дело, и назад.

И Коля ушел навстречу выстрелам.

Вернулся он не скоро, часа через три, весь исцарапанный, в крови. Гимнастерка на плече была порвана, рука перевязана белой тряпкой.

— Ты что, дрался? Что с рукой?

— Да ничего. Так, поцарапал.

Он рассказал, что немцы пытались прорваться, но их отбросили.

Долговязый молчаливый Макарыч спросил:

— А немцев ты видел?

Коля презрительно взглянул на него и, обращаясь к Оле, сказал:

— Они тут, за шоссе.

Потом полез в карман и, достав пистолет, протянул ей:

— Вот. Бери.

Оля осторожно взяла, повертела, разглядывая:

— Немецкий?

— Да.

Она опустила глаза и увидела, что у Коли одного ножа за голенищем не хватало.

— Да-а… — протянул Панько. — Трофейный, значит.

— Спасибо, — сказала Оля, — только ты оставь

его себе. И больше не ходи. У меня есть свой, в полку он…

В полдень, когда самолет был готов, сели передохнуть и пообедать. Стояла жара. Редкие сосны не защищали от солнца, поэтому обедали под крылом самолета, в тени. Ели гречневую кашу. Оля исподтишка наблюдала за Панько и потихоньку улыбалась. Он ел с аппетитом. Не спеша подносил ко рту ложку, с наслаждением вдыхал запах каши и потом усердно двигал челюстями, хотя в этом не было особой надобности. Усы его шевелились, как у жука. Неизвестно, что ему нравилось больше — каша пахучая, с дымком, или же сам процесс еды.

Вдруг Оля заметила, что Панько перестал жевать и смотрит на дорогу. Она проследила за его взглядом и увидела на дороге немцев. Они шли группой.

— Идут, — сказал Панько, вздыхая, как будто знал, что они придут, и уже давно ждал их. Только вот жалел, что время они выбрали неудачное — обед. И он снова принялся за кашу.

Немцы шли по направлению к самолету. В колонне их было человек шестьдесят. На длинной палке болталась белая тряпка.

— Сдаваться идут, — уточнил Панько, стря-

хивая крошки хлеба с усов. — А может, того… попугать?

Оля строго посмотрела на него.

— Возьми винтовку и держи ее. Чтоб видели. — И добавила: — Остановишь их по всем правилам…

Группа приближалась. Оля и остальные стоя ждали. Все немного волновались. Сердце у нее защемило: что, если немцы передумают?! Их много, и все вооруженные.

Когда Панько остановил немцев, вперед вышел один из них и на русском языке сказал, что он переводчик.

Оля приказала им сдать оружие, показав место, куда они должны его сложить. Соблюдая порядок, немцы подходили и бросали в кучу всё свое вооружение.

Выпрямившись, как на параде, маленькая, серьезная Оля следила за тем, как растет перед ней груда автоматов, пистолетов. Один немец положил даже какой-то длинный нож, что-то вроде кинжала.

Переводчик услужливо сообщил, что в группе есть офицеры и большие чины из штаба соединения, которым командовал генерал Фалькнерс.

Сам генерал стоял тут же молча, с непроницае-

мым лицом. Только один раз, когда он понял, что сдается в плен женщине, лицо его дернулось и рот болезненно скривился. Он бросил на Олю долгий, испытующий взгляд, будто хотел определить совершенно точно, в какой степени унизительно ему, боевому генералу, сдаваться в плен какой-то девчонке.

Оля почувствовала этот взгляд и поняла его значение. Внутренне напрягшись и очень волнуясь, но стараясь казаться спокойной, она посмотрела на генерала и не отвела глаз до тех пор, пока он сам не опустил голову.

Она распорядилась, чтобы пленных отвели в деревню, где находился сборный пункт.

Когда их выстроили в колонну и Панько готов был дать команду трогаться, генерал через переводчика попросил Олю, чтобы там, куда их поведут, сказали, что они сдались добровольно.

Оля кивнула и подозвала Панько:

— Предупредишь там, что они сами пришли.

— Есть, товарищ техник-лейтенант! — неожиданно гаркнул что было силы Панько, вытянувшись перед ней, как перед большим начальством, и стукнув каблуками.

Оля поняла Панько, который хотел показать немцам, что она очень важная персона и сдаться

в плен ей — это все равно, что по меньшей мере генералу.

Повернувшись по всем правилам, Панько пошел с винтовкой наперевес. Никогда еще он не шагал с таким энтузиазмом. Обычно он ходил вразвалку, с ленцой, как ходят пожилые мужики в деревне.

Колонна, сопровождаемая Панько и Макарычем, двинулась к деревне. Оля стояла и молча смотрела ей вслед. Она думала о том, что вечером прибудет самолет и привезет Катю, летчицу. Вместе с ней на отремонтированной машине Оля улетит на запад, туда, где теперь находится полк. И снова начнется обычная фронтовая жизнь: ночные дежурства на аэродроме, когда за ночь так набегаешься и устанешь, встречая и провожая самолеты, заправляя их горючим и маслом, что утром ноги гудят… А днем, после нескольких часов сна, опять на аэродром — готовить машины к боевым вылетам. Ну что ж, такая работа у техника!

Она оглянулась. Вдали стоял Коля и наблюдал за ней. С улыбкой она пошла к нему навстречу. На ходу нагнувшись, сорвала несколько красных полевых гвоздик.

— Ну, вот мы и расстанемся сегодня. Возьми, Коля.

Ниток не хватает...

На волейбольной площадке шумно и весело. Играют две команды — эскадрилья на эскадрилью.

— Жигули! Давай гаси! — кричат болельщики.

— У-ух! Есть!

Жека Жигуленко, или Жигули, — главная фигура на площадке. Высокая, сильная, она легко «гасит» мячи через сетку, будто гвозди вбивает.

Волейбол — наше очередное увлечение.

Мы долго увлекались шахматами. Особенно наша эскадрилья. Только появится свободное время — уже сидим за доской.

На турнирах, которые мы устраивали, неизменно побеждала летчица Клава Серебрякова. Мы звали ее Клава-джан: что-то было в ней грузинское. Может быть, темперамент. Играла она весело. Сверкая густо-синими глазами, низким, хрипловатым голосом отпускала шуточки и потом вместе со всеми смеялась. Говорила она нарочно с грузинским акцентом.

— Слушай, кацо, а зачем ты коня кушаешь? Аппетит сильный, да? Удержаться не можешь, да?

Ее противник недоуменно поднимал глаза, а

Клава продолжала:

— Ты еще сильней подумай. А подумаешь — не будешь кушать…

Бывало, когда противник уж очень долго думал, Клава-джан брала свою гитару и от нечего делать на ходу сочиняла:

У меня миленка два:
в том полку и в этом.
Одного люблю зимой,
а другого – летом.

Все у нее получалось здорово. Она все успевала: и обыгрывать нас, и петь, и острить.

На заданье я летала,
повстречала самолет.
В нем я милого узнала:
эффективный был полет!

Со временем увлечение шахматами прошло. Нет, мы продолжали играть, но это уже не было болезнью. Играли тихо, турниров не устраивали. И по-прежнему победителем выходила Клава-джан.

Новое увлечение охватило всех поголовно. Вышивание. Мы где-то доставали цветные нитки,

делились ими, обменивались. Нитки присылали нам из дому в конвертах родные, знакомые.

В ход пошли портянки, разные лоскутки. Рвали на куски рубашки — ничего не жалко! Вышивали лихорадочно. С нетерпением ждали, когда выдастся свободная минутка. Можно было подумать, что в этом — смысл жизни!

Некоторые умудрялись вышивать на аэродроме, под крылом самолета, в кабине. Даже в столовой после полетов можно было слышать:

— Оля, ты уже кончила петуха?

— Понимаешь, осталось вышить два пера в хвосте: синее и оранжевое. А ниток не хватает.

Оля вытаскивала из кармана комбинезона кусок материи и аккуратно его раскладывала.

— Вот смотри. Если вместо синих взять зеленые…

И обе самым серьезным образом обсуждали петушиный хвост.

Этой болезнью заразились все, в том числе и командир полка. Вышивали болгарским крестом, гладью, разными стежками… Какие-то цветы, геометрические фигуры, головки зверей и даже целые картины.

И вдруг все прошло. Перестали вышивать. Стали играть в волейбол. В каждой эскадрилье своя

команда. Итого — четыре. Всю осень, пока наш полк базировался в польском имении Рынек, шли ожесточенные бои между командами. Мы недосыпали днем, вставали раньше времени и бежали на волейбольную площадку, чтобы успеть сразиться перед тем, как идти на полеты. Уставали до чертиков, но остановиться не могли…

И так всегда. Обязательно какое-нибудь увлечение. Даже в самые тяжелые периоды боевой работы…

Задание – доставить боеприпасы

Небольшой прусский городок примыкает вплотную к железной дороге. Мы поселились в просторном доме с множеством комнат. Рассказывают, что здесь была школа разведчиц. Действительно, в нескольких комнатах стоят деревянные койки с матрацами. В библиотеке много политической литературы, особенно на русском языке: Маркс, Ленин, история Коммунистической партии…

В городке еще свежи следы наступления. Вчера здесь прошли наши танки и пехота. Городок совершенно пуст, ни одного жителя. Двери покинутых домов распахнуты, окна разбиты. Кое-где лежат убитые.

В стороне от городка имение. Вокруг главного здания разбросаны группами мелкие постройки. В загородке надрывно ревут недоеные коровы…

Весь день с короткими перерывами идет снег.

Вечером отправляемся на полеты. Идем, еле волоча ноги: снег сырой, липнет к унтам. Дороги к аэродрому нет. Да, собственно, и аэродрома-то нет. Обыкновенное поле, на котором расчищена

довольно узкая взлетно-посадочная полоса.

Наши По-2 переведены с колес на лыжи. Еще ни разу на фронте нам не приходилось летать с лыжами: две зимы мы воевали на юге. А я и вовсе никогда не пробовала взлетать или садиться на самолете, оборудованном лыжами, и поэтому ощущала некоторую неуверенность.

В этот день, собираясь на полеты, я старалась делать все так, как делала вчера, позавчера. И ничего по-другому. Так было спокойнее, хотя некоторое чувство тревоги все-таки оставалось…

Сегодня боевая задача — доставить боеприпасы группе наших войск, которая оказалась отрезанной от основных сил. Наступая, эта группа вырвалась далеко вперед. Боеприпасы у них подходили к концу.

Погода нам явно не благоприятствует. Валит густой снег. Временами он прекращается, из-за туч выскальзывает месяц.

Меня назначили разведчиком погоды. Я должна определить, можно ли пройти к цели. Если можно, то дойти до нее и выполнить задание: сбросить ящики с боеприпасами в строго определенное место.

Бершанская сказала, подозвав нас с Ниной:

— Задание важное. Люди сидят без патронов.

Если через полчаса не вернетесь, значит, буду считать, что к цели пробиться можно. Начну выпускать остальные самолеты.

Перед полетом у меня кошки скребли на сердце: смогу ли взлететь на лыжах? Ведь в первый раз, да к тому же на каждом крыле — по четыре тяжелых ящика.

Самолет долго скользил по снежному полю, но так и не оторвался. Вернее, просто я не сумела его оторвать от земли. Рассердившись на себя (в душе я чувствовала, что так и будет), я зарулила назад и снова начала взлет. Теперь у меня уже был некоторый опыт. Набрав достаточную скорость, я поддернула ручку управления посильнее — и самолет оказался в воздухе.

И вот мы летим. Нина вертится в кабине, что-то проверяя, прилаживая. Ящики с патронами связаны системой веревок, концы которых находятся в кабине штурмана. Система, прямо сказать, ненадежная, и, видимо, Нина сомневается, сработает ли она как следует.

Сначала Нина не говорит мне о своих сомнениях. Но потом не выдерживает:

— Знаешь, Наташа, по-моему, они не упадут.

— Кто?

— Да ящики эти. Тут все запуталось.

— Подожди, надо еще долететь.

Под нами проплывает прусская земля. И как-то особенно остро чувствуешь, что она чужая. Совсем чужая. Мрачно темнеют лесные массивы. Враждебно притаились внизу сёла, хутора. С темными дорогами, расходящимися в разные стороны, они напоминают черных пауков.

Снова пошел снег. Некоторое время мы летим вслепую. Видимости никакой. Мелькает мысль: а не повернуть ли назад? Но я знаю: снег — это временно, облачность не сплошная. Значит, можно пробиться.

И действительно, вскоре мы выскакиваем из полосы снега. Впереди в форме подковы темнеет лесок — мы летим точно по маршруту. Дальше — развилка реки, за большой излучиной — наши. Они нас ждут. Им нужны патроны.

Внезапно ровный гул мотора прерывается. Короткие хлопки… перебои… Высота уменьшается… Сердце екнуло: неужели садиться?

Я двигаю рычагами. Подкачиваю бензин шприцем. Только бы не заглох мотор… Вытянуть бы…

Самолет планирует, теряя высоту. Мотор фыркает и — умолкает… Неужели совсем?! Снова короткое фырканье… Ну, миленький, давай, давай! Не подведи!

Постепенно он «забирает». Я прислушиваюсь: работает нормально. Видимо, в бензопровод попало немного воды.

Летим дальше. Низко нависла облачность. Сейчас опять пойдет снег. Успеем ли?

Наконец под нами река. Пересекаем развилку. На земле треугольник, выложенный из костров. Снизившись до ста метров, пролетаю над огнями. У костров на светлом снегу фигурки людей. Они машут руками, шапками. Я мигаю бортовыми огнями, приветствуя их.

— Приготовься, Нинок, буду заходить.

— Давай.

Спустившись еще ниже, я лечу немного правее костров на высоте двадцать — двадцать пять метров. Нина дергает систему веревок. Никакого результата: ящики преспокойно лежат на крыле.

Захожу еще раз — снова то же самое.

Черт возьми! Как же их сбросить? Приземлиться тут негде. Я еще раз внимательно просматриваю площадку. Нет, она совсем не пригодна для посадки: мала, изрезана оврагами, много деревьев.

— Что будем делать? — спрашиваю я.

— Заходи еще… Только сделай побольше круг.

На этот раз она вылезла из кабины на крыло.

Я осторожно веду самолет, делая развороты «блинчиком». Высокая фигура Нины маячит справа сбоку. Мне становится не по себе: вдруг поскользнется, свалится… или ветром снесет…

Но я молчу, чтобы не отвлекать штурмана. Сижу, боясь шевельнуться, и чувствую каждое ее движение. И мне кажется, что это я сама стою на мокром и скользком крыле, вцепившись рукой в борт самолета.

Мне становится жарко. Так жарко, что я стягиваю теплые краги. Поглядываю на Нину. Она сталкивает по одному все ящики сначала с правого крыла, потом, перебравшись на другую сторону, с левого. Ящики тяжелые, и сталкивать их приходится свободной рукой и ногами. А я все кружусь и кружусь над кострами. Наконец ящики на площадке. Все восемь. Нина влезает в кабину.

— Ну вот и всё. Теперь домой.

Она говорит это так, будто только тем и занимается, что каждый день вылезает в полете на крыло и сталкивает ящики…

Мы делаем последний круг, прощальный. Мигаем навигационными огнями. Нам снова машут там, внизу.

Но вот костры на земле тускнеют. Их заволакивает пеленой. Пошел снег…

На обратном пути я говорю своему штурману:

— Нинка, а ты молодец!

Мы никогда не хвалим друг друга, у нас это не принято. И она обиженно, но в то же время радостно отвечает:

— Ну вот еще… Чего это ты выдумала?!

На Висле

— Р-р-раз — взяли!

— Еще — раз!

Самолет медленно, по-черепашьи двигается вперед. Я стараюсь, чтобы колеса не сползли с досок в густую глубокую грязь. Мотор работает на полной мощности. Техники тянут самолет, поднимая его на собственных спинах, утопая в черном месиве грязи. Перекладывают доски, когда по ним уже прорулила машина.

Девушки забрызганы грязью, лица красные, еле дышат. Я сижу в кабине, но мне кажется, что я вместе с ними тащу самолет…

Здесь, в польском городке Слупе, нас застала распутица. Февраль, но снега почти нет. Днем на нашем аэродроме непролазная грязь. И только к середине ночи немного подмораживает.

Задача — бомбить крепость Грауденц, что на Висле. Крепость упорно держится.

Летать с раскисшего аэродрома невозможно. А надо! И мы летаем. Несмотря ни на что. Соорудили небольших размеров деревянную площадку, из обыкновенных досок. С нее самолеты взлета-

ют, на нее садятся. Правда, приходится летать с боковым ветром — деревянную полосу не повернешь в нужном направлении. Но не это самое сложное.

Проблема — подрулить к старту. Колеса увязают в густой грязи по самую ось. Даже на полном газу самолет нельзя сдвинуть с места. Единственный выход — подкладывать под колеса доски…

Медленно, с трудом я наконец подруливаю к деревянной полосе и останавливаюсь на самом краю твердой площадки. Девушки-вооруженцы на руках подносят «сотки». Бомбы тяжелые, девушки кряхтят. Подвесить стокилограммовую бомбу нелегко. Но они наловчились: две-три девушки, стоя на корточках, на коленях, быстро поднимают «сотку», подводят ее к замку и подвешивают под крыло, закрепляя винтами. Потом другую… Когда бомбы подвешены, они уходят за новыми: уже подруливает следующий самолет.

Девушки-вооруженцы… Им здорово достается. Руки у них шершавые, потрескавшиеся. Зимой примерзают к металлу. Бывают ночи, когда каждая из них поднимает в общей сложности больше двух тонн бомб. Спать им приходится мало: днем они готовят взрыватели к бомбам, проверяют вооружение, чистят пулеметы, ходят в наряд. И

питаются они не так, как летчики. Но никто из них ни на что не жалуется: война…

Почему-то они, как на подбор, все небольшого роста, тихие, скромные девочки. Техники — те погорластее. Если нужно, отругают летчика так, что только держись…

До утра мы летаем, бомбим крепость. А утром, пошатываясь от усталости, плетемся с аэродрома. Техники и вооруженцы еле ноги волочат.

На шоссе нас ждет машина. Трудно, ох как трудно поднять ногу, чтобы влезть в нее!

Возле столовой нас встречает начштаба Ракобольская. Она, улыбаясь, подходит к Ире, ко мне и говорит:

— Поздравляю вас. Сегодня в газетах Указ о присвоении звания Героя Советского Союза девяти нашим девушкам. В том числе и вам.

Мы знали, что еще в октябре прошлого года нас представили к этому званию, но все равно растерялись. Как-то совсем неожиданно получилось. Ира покраснела и, поблагодарив ее, ничего не сказала. К этому времени счет боевых вылетов у Иры Себровой перевалил далеко за девятьсот. Она держала первенство в полку. Но не любила моя Ира, когда ее как-то отмечали, выделяли среди других…

Пока у нас в полку было пять Героев: Дуся Носаль, Женя Руднева (обеим это звание присвоено посмертно), Маша Смирнова, Дина Никулина и Дуся Пасько. Теперь еще девять.

…Из Слупа полк перелетел в город Тухоля. На домах, в окнах — польские национальные флаги. Красно-белые. Красное с белым всюду: в петлицах пиджаков, на шляпах жителей…

Большой зал местного театра. Здесь у нас торжество. Для вручения наград приехал командующий фронтом маршал Рокоссовский. Когда он, высокий, худощавый, вошел в зал, Бершанская громко и четко отрапортовала ему. Маршал, немного растерянный, тихо поздоровался с нами и, услышав общий громовой ответ, смутился. Затем он произнес небольшую речь и начал вручать Золотые Звезды и ордена.

Высокую награду получили Ира Себрова, Женя Жигуленко, Надя Попова, Руфа Гашева, Катя Рябова и я. Трем девушкам это звание было присвоено посмертно: Оле Санфировой, Тане Макаровой и Вере Белик.

Посмертно. Сколько могильных холмов осталось на нашем пути!.. На Кубани, в Белоруссии, в Польше… У многих из тех, кто уже не вернется с войны, могил не осталось — у тех, кто сгорел в

воздухе вместе с самолетом.

И когда мы почтили их память вставанием, я подумала о том, что высокое звание Героя принадлежит не только тем, кого отметили, но и многим из тех девушек, которые не вернулись. Они погибли героями.

Пришла Победа!

Взят Берлин. Это значит — конец войне. Почему-то трудно в это поверить. Так долго, так бесконечно долго она тянется.

Конец войне! Это так грандиозно и замечательно, что кажется просто неправдоподобным. Немцы капитулируют. Но еще держится группировка фашистских войск на севере. А может быть, завтра нам уже не придется бомбить?

Как бы там ни было, а на новой точке, где мы сейчас стоим, нас, как обычно, заставили знакомиться с районом боевых действий. Задание — полет по треугольнику днем. Мы с Ирой взлетели парой. И, как-то не сговариваясь, поднявшись в воздух, решили отклониться от заданного маршрута. В сторону Берлина, конечно.

Очень любопытно взглянуть на Берлин сверху. Днем. Представится ли еще когда-нибудь такая возможность? Какой он, Берлин, «логово фашистского зверя», как называют его в газетах, столица поверженной Германии?

Мы летим на небольшой высоте. Под крылом пригороды Берлина. Ровные, светлые шоссейные

дороги. Особняки в подстриженных садах. Много зелени. Все аккуратно, геометрически точно. Здесь нет разрушений, изрытой траншеями земли. Никаких следов войны. Так по крайней мере кажется, если смотреть сверху, с птичьего полета. Да, вероятно, так и есть — ведь наши войска заняли этот район с ходу.

Подлетаем поближе, и перед нами открывается огромный, серый, полуразрушенный город. Он весь дымится, кое-где еще догорают пожары. Небо почти сплошь затянуто дымом, и солнце с трудом пробивается сквозь дымную завесу. Светит слабым желтоватым светом, как при солнечном затмении. В воздухе пахнет гарью.

Мы низко пролетаем над рейхстагом, где развевается наш советский флаг, над Бранденбургскими воротами. Наверное, смешно выглядят наши По-2, две маленькие пчелки, над серой громадой города, раскинувшегося на многие километры.

Делаем большой круг и, выбравшись из дыма, летим домой. Снова ярко светит солнце. Майское солнце, такое же, какое светило нам тогда, в Энгельсе, при отлете на фронт. Такое — и не такое. Новое — солнце Победы…

О том, что должен быть приказ Верховного главнокомандующего, мы узнали восьмого мая.

Приказ, после которого наступит мир!

И все-таки Победа пришла внезапно.

Мы прыгали, кричали, целовались. В парке под цветущими липами накрыли праздничные столы и выпили за мир. Вечером где-то далеко, в Москве, Родина салютовала победителям. Мы устроили свой салют: стреляли цветными ракетами, палили из пистолетов, кричали «ура»…

В этот день мы надели платья. Правда, форменные, с погонами. И туфли. Не сапоги, а туфли, сшитые по заказу. Их привезли на машине. Полный кузов — выбирай! Настоящие туфли, коричневые, на среднем каблучке… Конечно, не ахти какие, но все же туфли. Ведь войне конец!

Пришла Победа. Это слово звучало непривычно. Оно волновало, радовало и в то же время, как ни странно, немножко тревожило…

Мир… Он нес с собой большое, хорошее. Мир — это было то, ради чего мы пошли на фронт, за что погибли наши подруги, это была новая жизнь, которую мы еще так мало знали. Пожалуй, большинство из нас основную часть своей сознательной, по-настоящему сознательной, жизни провели на войне. Где будет теперь наше место?

Четыре года… Мы ушли в армию, когда нам было девятнадцать, даже восемнадцать. За эти

годы мы повзрослели. Но, в сущности, настоящая жизнь, с ее повседневными заботами и тревогами, для нас еще не начиналась. Никто из нас толком не знал, что его ждет впереди. Одни мечтали учиться, вернуться в институты, к прерванной учебе. Другие хотели летать…

С наступлением мира всех потянуло домой. Сразу. Захотелось остро, до боли в сердце, туда, где нас ждали, где все — такое знакомое, близкое, свое, где Родина…

Люди по-разному представляют себе Родину. Одни — как дом, в котором они родились, или двор, улицу, где прошло детство. Другие — как березку над рекой в родном краю. Или морской берег с шуршащей галькой и откос скалы, откуда так удобно прыгать в воду…

А я вот ничего конкретного себе не представляю. Для меня Родина — это щемящее чувство, когда хочется плакать от тоски и счастья, молиться и радоваться.

Родина…

